

ЩИРКУЛЯРЪ

ПО ХАРЬКОВСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

30 ІЮНЯ—№ 12—1863 ГОДА.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ СОСТАВѢ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

О П Р Е Д ѣ Л Е Н Ы :

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

11 іюня 1863 г. № 2083. Удостоенъ званія учителя арифм. и геометріи въ уѣздн. училищѣ, священническ. сынъ, Григорій Бяляевъ — учителемъ сихъ предметовъ въ Львовск. уѣздн. училище.

19 іюня 1863 г. № 2198. Врачъ Харьковск. конторы банка, колл. асс. Ланге, сверхъ сей должности, — врачомъ студентовъ Харьковск. университета.

У т в е р ж д е н ъ.

Г. Министромъ Нар. Пр.

5 іюня 1863 г. № 5711. Священникъ въ Офенѣ Іосифъ Викторинъ — въ званіи почета. члена Харьковск. университета.

П е р е м ѣ щ е н ъ.

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

12 іюня 1863 г. № 2107. Старш. учитель историческ. наукъ Свенцянск. гимназіи, Александръ Кулжинскій — младш. учителемъ Русск. языка въ Курск. гимназію.

К о м м а н д и р о в а н ъ.

Г. Министромъ Нар. Пр.

30 мая 1863 г. № 16. (Напеч. въ Сенатск. вѣдом. 7 іюня № 46). Хранитель зоологическ. и минералическ. кабинетовъ Императорскаго Харьковск. университета Стрембицкій — съ ученою цѣлью въ Крымъ, на 4 мѣсяца.

Назначены пенсіи и единовременныя пособія:

Г. Министромъ Нар. Пр.

7 іюля 1863 г. № 5921. Уволеннымъ отъ службы: 1. Бывш. штатн. смотрителю втораго Донск. окружн. училища, колл. асс. Ивану Голубову — по 420 р. въ годъ.

2. Бывш. законоучителю Мигулинск. приходск. училища, священнику Петру Попову — по 100 р. въ годъ.

3. Бывш. учителю Новочеркасск. приходск. училища, сотнику Михаилу Бывайлову — по 250 р. въ годъ.

4. Бывш. учителю Калмыцк. приходск. училища, сотнику Арсенію Ошину — по 250 р. въ годъ.

Изъ нихъ: Бывайлову — со дня отчисленія отъ должности въ Войско, съ 1 іюня 1862 г., а прочимъ — со дня дѣйствительн. увольненія отъ службы.

Того-же числа № 5928. 1. Оставленъ на службѣ на 5 лѣтъ законоучителю Лебединск. уѣздн. училища, протоіерею Виктору Андріевскому — по 200 р., въ годъ, сверхъ жалованья, съ 27 декабря 1862 г.

Уволеннымъ отъ службы: 2. Бывш. штатн. смотрителю Ахтырск. уѣздн. училища, колл. асс. Василю Колчановскому — по 420 р. въ годъ.

3. Бывш. старш. учителю Орловск. гимназіи, колл. сов. Юліану Ерюханову — по 325 р. въ годъ.

4. Бывш. законоучителю Качалинск. приходск. училища (въ землѣ войска Донскаго), священнику Петру Никольскому — по 120 р. въ годъ, всѣмъ тремъ со дня дѣйствительн. увольненія отъ службы.

Того-же числа № 5936. 1. Учителю Фатежск. приходск. училища, губ. секр. Петровскому — по 90 р. въ годъ, со дня дѣйствительн. увольненія отъ службы.

2. Бывш. учителю Кадомск. приходск. училища, губ. секр. Бряцалову — по 90 р. въ годъ, съ 16 окт. 1862 г.

У в о л е н ъ.

Г. Попечителемъ Харьк. учебн. окр.

11 іюня 1863 г. № 2093. Учитель рисов., черченія и чистописанія Грайворонск. уѣздн. училища, губ. секр. Подкатовъ — отъ службы, по прошенію, съ мундиромъ, должности присвоеннымъ.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ СОСТАВѢ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Закрытіе заведенія.

Содержательницѣ въ г. Харьковѣ частнаго женскаго пансіона, вдовѣ подполковника, Натальѣ Ивановнѣ

Метелеркамнѣ, разрѣшено закрыть содержимый ею пансіонъ, по причинѣ разстроеннаго ея здоровья.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ И НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія.

1. О правахъ на пенсію и единовременныя пособія попечителей учебныхъ округовъ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, согласно представленію г. министра народнаго просвѣщенія, 26 апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: тѣмъ изъ попечителей учебныхъ округовъ, которые нынѣ состоятъ въ сихъ должностяхъ или впредь будутъ назначаемы на оныя, прослуживъ не менѣе 10-ти лѣтъ въ ученыхъ и учебныхъ должностяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, или же другаго вѣдомства, но пользующагося въ отношеніи пенсій одинакими съ сими министерствами преимуществами, предоставить права на пенсію по правиламъ, постановленнымъ для служащихъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, считая въ этомъ случаѣ и время состоянія въ должности попечителя учебною службою и принимая въ расчетъ полный окладъ пенсій въ двѣ тысячи рублей; если же чиновники сіи получали жалованья менѣе, то пенсій и единовременныя пособія производить изъ жалованья, какое получали они на службѣ, и съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы попечителямъ учебныхъ округовъ назначать пенсій только при совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы, не распространяя на нихъ, въ случаѣ оставленія ихъ на службѣ долѣе 25 лѣтъ, дѣйствія 491 и 492 ст. Св. зак. (изд. 1857 г.) Т. 3, уст. о пенс. и единовр. пособ., относительно производства пенсій на службѣ, сверхъ содержанія, и прибавокъ къ онымъ за выслуженныя послѣ того срока пятилѣтія.

2. О распредѣленіи суммы сбора за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа.

Въ ноябрѣ 1862 года, по собраніи отъ директоровъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа по-

дробнѣйшихъ свѣдѣній о количествѣ поступленія сбора за ученіе со времени установленія его, по каждому изъ уѣздныхъ училищъ и за каждый учебный годъ отдѣльно, и о распредѣленіи его въ пособіе отличнѣйшимъ учителямъ и бѣднѣйшимъ ученикамъ и на другіе предметы, какіе призваны нужными и полезными, гдѣ управлявшій учебнымъ округомъ, дѣйств. ст. сов. К. К. Фойгтъ, сообразивъ денежные средства и нужды каждаго училища, представилъ г. министру народнаго просвѣщенія полную вѣдомость о количествѣ суммъ, собранныхъ за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа со времени установленія этого сбора по 1862—63 учебный годъ и о предположенномъ имъ употребленіи этихъ суммъ. При назначеніи пособія училищнымъ чиновникамъ, Его превосходительство принималъ во вниманіе какъ количество имѣющей-ся въ наличности суммы, такъ и степень усердія каждаго изъ нихъ и приносимую имъ пользу, а равно и крайне стѣсненныя обстоятельства большей части изъ нихъ, за исключеніемъ впрочемъ тѣхъ изъ учителей, которые уже представлены были въ томъ году къ денежнымъ наградамъ при общемъ ходатайствѣ изъ того-же сбора за ученіе или и хозяйственныхъ суммъ училищъ. Такимъ-же образомъ, при назначеніи пособія бѣднымъ ученикамъ, Его превосходительство руководствовался свѣдѣніями о количествѣ учениковъ въ каждомъ училищѣ и о большей или меньшей недостаточности жителей города, а изъ остатковъ положилъ известное количество на пополненіе училищъ учебными пособіями, на необходимыя хозяйственныя потребности, какъ-то: исправленіе классной мебели или другія подѣлки, удерживая за тѣмъ излишекъ на будущія могущія оказаться надобности, гдѣ къ тому представлялась возможность. Вообще, всей суммы, собранной за ученіе во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа,

за исключеніемъ дирекціи училищъ Войска Донскаго, въ которой распоряженіе суммами принадлежить вѣдѣнію войсковаго управленія, — со времени установленія сбора до 1862—63 учебнаго года оказалось 18949 р. 40 к. Изъ нихъ въ пособіе училищнымъ чиновникамъ назначалось 10520 р.; въ пособіе бѣднымъ ученикамъ 1824 р. 65 к., на учебныя пособія 2470 р., на хозяйственныя потребности 1836 р. 50 к. и въ остаткѣ удержано 2298 р. 25 к. сер.

При семъ, г. управлявшій округомъ, заявилъ министерству, что онъ самъ неоднократно былъ свидѣтелемъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находятся училищныя чиновники, при многочисленности семействъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и безпрерывно возрастающей дороговизнѣ на всѣ потребности жизни; что, по личнымъ наблюденіямъ его, нѣкоторые изъ даровитыхъ учениковъ за-долго до окончанія курса оставляютъ училище единственно потому, что родители ихъ, по бѣдности, не въ состояніи снабжать ихъ приличной одеждой и учебными пособіями, и что признается весьма важнымъ, чтобы, по мѣрѣ средствъ, пополнялись и бібліотеки училищъ и поддерживалась исправность ихъ помѣщеній, — просилъ обратить на эти соображенія благосклонное вниманіе и разрѣшить предполагаемое имъ распределеніе собранныхъ за ученіе суммъ по вышеозначеннымъ категоріямъ. Онъ выразилъ надежду, что такое благотворное распоряженіе министерства, выведя наиболѣе нуждающихся училищныхъ чиновниковъ изъ ихъ томительнаго положенія, безъ сомнѣній, ободритъ ихъ и къ будущей усиленной дѣятельности на пользу народнаго просвѣщенія; оно должно усилить и расположеніе жителей уѣздныхъ городовъ къ мѣстнымъ училищамъ и внушить имъ признательность къ заботливости высшаго учебнаго начальства; оно, наконецъ, послужитъ и немаловажнымъ пособіемъ къ улучшенію училищъ въ хозяйственномъ отношеніи и пополненію ихъ учебныхъ собраній для дальнѣйшаго самообразованія учителей.

Нынѣ г. министръ народнаго просвѣщенія, отъ 6 іюня за № 5797, сообщилъ, что по уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. управлявшаго округомъ, отъ 7 ноября минувшаго года, и соглас-

но Высочайше утвержденному 4 декабря 1857 г. положенію главнаго правленія училищъ о взиманіи платы за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, Его высокопревосходительство г. статсъ-секретарь А. В. Голловининъ, на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія 3 сего іюня, разрѣшилъ — изъ суммы собранной за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа, современно установленія сего сбора, употребить:

а) въ награду и пособіе учителямъ и преподавателямъ уѣздныхъ училищъ каждому въ количествѣ, показанномъ въ приложенной при семъ вѣдомости, 10520 р. —

б) въ пособіе бѣднымъ ученикамъ согласно той-же вѣдомости. . . . 1824 р. 65 к.

в) на учебныя пособія. . . . 2470 — —

г) на хозяйственныя потребности. 1836 — 50 —

Всего 16651 р. 15 к.

Что же касается до остающихся за-тѣмъ 2298 р. 25 к., удерживаемыхъ на будущія могущія оказаться надобности, то Его высокопревосходительство предоставляет о распределеніи сей суммы и вообще того остатка, какой можетъ оказаться отъ сбора за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, войти въ министерство съ дополнительнымъ представленіемъ.

Г. попечитель, сообщая о семъ гг. директорамъ училищъ: Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерній, предлагаетъ, по возвращеніи мѣстными уѣздными казначействами переданной въ оныя уѣздными училищами суммы сбора за ученіе, распределить оную между учителями и учениками въ указанномъ въ прилагаемой вѣдомости количествѣ, затѣмъ остающіяся суммы употребить на учебныя пособія и хозяйственныя потребности также въ указанномъ противъ каждаго училища количествѣ, но не иначе какъ по предварительномъ представленіи Его превосходительству свѣдѣній — на какія именно учебныя пособія и хозяйственныя потребности предполагается израсходовать ассигнованную сумму. При семъ г. попечитель, имѣя въ виду, что бывшая въ ноябрѣ 1862 г. наличная сумма сбора за ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, показанная въ 1-й графѣ сей вѣдомости, по случаю производившихся изъ оной въ теченіе сего времени экстренныхъ расходовъ передана въ апрѣль и май мѣсяцахъ текущаго года въ

казначейства въ меньшемъ количествѣ, противъ показаннаго въ ведомости, предлагаетъ недостающее количество на указанные въ ведомости расходы дополнить изъ суммы сбора текущаго года, — и затѣмъ представить Его превосходительству, не позже 1 сентября сего года, свѣдѣніе: какъ будетъ великъ остатокъ отъ суммы сбора текущаго года, и какое предполагается дать назначеніе сему остатку; Курскому же и Воронежскому директорамъ, сверхъ того, доставить заключеніе: какое они предполагали бы дать назначеніе показаннымъ въ послѣдней графѣ ведомости 2298 р. 25 к. (по Курской дирекціи 1923 р. 25 к. и Воронежской 275 р.), удерживаемымъ на будущія могущія оказаться надобности.

II. Распоряженіе Государственнаго совѣта.

О возвратѣ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ переданной въ оныя суммы сбора за ученіе.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, отъ 8 февраля 1863 года, нижепоименованными учебными заведеніями Харьковскаго учебнаго округа передана была въ мѣстныя уѣздныя казначейства сумма сбора за ученіе въ слѣдующемъ количествѣ:

1. Харьк. ветеринарн. училищемъ 549 р. 78 к.
2. 2-ю Харьковскою гимназіею 322—29¹/₂—

Уѣздными училищами Харьковской губерніи.

3. Харьковскимъ 258 р. 50 к.
4. Богодуховскимъ 43 — 50 —
5. Ахтырскимъ 158 — " —
6. Лебединскимъ 673 — 50 —
7. Сумскимъ 776 — " —
8. Зміевскимъ 264 — " —
9. Изюмскимъ 409 — 50 —
10. Купянскимъ 186 — 50 —
11. Старобѣльскимъ 216 — " —
12. Волчанскимъ 681 — " —
13. Курскою гимназіею 948 — 66 —

Уѣздными училищами Курской губерніи.

14. Курскимъ 1300 р. 50 к.
15. Бѣлгородскимъ 580 — 50 —
16. Тимскимъ 747 — " —
17. Обоянскимъ 454 — 50 —
18. Старооскольскимъ 615 — " —

19. Суджанскимъ 686 р. 25 к.
20. Рыльскимъ 436 — 50 —
21. Путивльскимъ 688 — 50 —
22. Дмитріевославскимъ 349 — 50 —
23. Корочанскимъ 618 — " —
24. Новооскольскимъ 318 — " —
25. Фатежскимъ 340 — 50 —
26. Львовскимъ 330 — " —
27. Грайворонскимъ 469 — 50 —
28. Щигровскимъ 940 — 50 —

Уѣздными училищами Орловской губерніи.

29. Орловскимъ 645 р. 70 к.
30. Брянскимъ 37 — 50 —
31. Карачевскимъ 25 — 50 —
32. Мценскимъ 490 — 50 —
33. Болховскимъ 45 — " —
34. Ливенскимъ 525 — " —
35. Малоархангельскимъ 179 — 25 —
36. Севскимъ 73 — 50 —
37. Трубчевскимъ 243 — 39³/₄—
38. Кромскимъ 18 — " —
39. Елецкимъ 747 — " —
40. Дмитровскимъ 43 — 50 —

Уѣздными училищами Воронежской губерніи.

41. Воронежскимъ 955 р. 50 к.
42. Валуйскимъ 622 — 50 —
43. Задонскимъ 588 — " —
44. Бирюченскимъ 426 — " —
45. Бобровскимъ 453 — " —
46. Павловскимъ 355 — 50 —
47. Новохоперскимъ 339 — " —
48. Нижнедѣвичскимъ 336 — " —
49. Богучарскимъ 376 — 50 —
50. Тамбовскою гимназіею 941 — 29 —

Уѣздными училищами Тамбовской губерніи.

51. Тамбовскимъ 448 р. 50 к.
52. Козловскимъ 687 — " —
53. Моршанскимъ 565 — 41 —
54. Елатомскимъ 37 — 50 —
55. Усманскимъ 212 — 95³/₄—
56. Лебедянскимъ 301 — 65 —
57. Липецкимъ 57 — " —
58. Кирсановскимъ 21 — " —

59. Шатскимъ 714 р. « к.
60. Темниковскимъ 24 — « —
61. Борисоглябскимъ 664 — 50 —

Итого отослано суммы сбора за учение 26404 р. 64 к.

Нынѣ г. министр народнаго просвѣщенія, отъ 6 іюня за № 5844, сообщилъ, что государственный совѣтъ при разсмотрѣніи представленій министерства народнаго просвѣщенія объ остаточныхъ суммахъ учебнаго вѣдомства, переданныхъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 8 февраля сего года положенія комитета финансовъ, въ государственное казначейство, призналъ, что сборъ съ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ отнесенный, по приложенному къ ст. 2 сметныхъ правилъ росписанію, къ специальнымъ средствамъ министерства народнаго просвѣщенія, не подлежитъ къ передачѣ въ государственное казначейство.

Въ-слѣдствіе сего, Его Высокопревосходительство г. статсъ-секретарь А. В. Головинъ проситъ г. попечителя:

1) Истребовать обратно изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ всѣ тѣ суммы, которыя были переданы въ оныя изъ остатковъ отъ сбора за учение.

2) Не передавать въ уѣздныя казначейства остатковъ отъ сбора за учение по тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, по которымъ передача еще не послѣдовала.

Г. попечитель, сообщая о семъ по вѣренному ему округу, присовокупляетъ, что о возвратѣ учебнымъ заведеніямъ сего округа изъ мѣстныхъ уѣздныхъ казначействъ переданной въ оныя суммы сбора за учение въ вышеозначенномъ количествѣ, вмѣстѣ съ симъ, сообщено казеннымъ палатамъ: Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской.

III. Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія.

О книгахъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ.

1. Объ изданіяхъ общества распространенія полезныхъ книгъ.

Г. министр народнаго просвѣщенія предложилъ ученому комитету разсмотрѣть изданные Высочайше утвержденнымъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ сочиненія, подъ заглавіемъ:

1) Азбука и чтеніе для перваго возраста, Елены Вельгманъ; 2) Жизнеописанія Плутарха. Вып. 1-й; 3) Разказы о Греческихъ герояхъ, Нибура; 4) Учебникъ Русской исторіи, Хандрикова, и 5) Описаніе западной Сибири, Завалишина. Въ-слѣдствіе сего, первыя два изъ сихъ сочиненій были разсмотрѣны членомъ ученаго комитета Галаховымъ, а послѣднія три — членомъ Стасюлевичемъ, и представленные ими отзывы о сихъ книгахъ, помѣщенные въ іюньской книжкѣ за 1863 годъ Журнала министерства народнаго просвѣщенія, приняты ученымъ комитетомъ въ засѣданіи онаго, 1-го мая.

2. О книгахъ, которыя могли бы быть съ пользою употребляемы въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Въ-слѣдствіе предложенія г. министра народнаго просвѣщенія, членамъ ученаго комитета поручено было — разсмотрѣть учебники, предназначенные по каталогу департамента народнаго просвѣщенія для употребленія въ приходскихъ училищахъ, и показанные въ спискахъ книгъ, опубликованныхъ комитетомъ грамотности и книжнымъ магазиномъ товарищества «Общественная польза», и составить каждому по своему предмету списки книгъ, которыя могли бы быть съ пользою употребляемы въ начальныхъ народныхъ училищахъ; при этомъ предложено было членамъ комитета внести въ свои списки и тѣ книги, которыхъ въ упомянутыхъ каталогахъ не значится, но которыя окажутся для начальныхъ училищъ полезными. По выслушаніи въ Комитетѣ отзывовъ (помѣщенныхъ въ іюньской книжкѣ, за 1863 годъ, Журнала министерства народнаго просвѣщенія) членовъ о всѣхъ разсмотрѣнныхъ ими книгахъ, составленъ общій списокъ тѣмъ изъ нихъ, которыя признаны комитетомъ болѣе или менѣе пригодными для употребленія въ упомянутыхъ училищахъ. Списокъ этотъ при семъ прилагается. Въ списокъ не показано книгъ по закону Божию по той причинѣ, что въ отношеніи книгъ этого отдѣла, составляющаго спеціальность духовнаго вѣдомства, ученый комитетъ затруднился представить свое положительное заключеніе.

РѢСЬСТЪ книгамъ, которыя могли бы быть съ пользою употреблены въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

А. Букварь:

1) Первоначальное обученіе письму и чтенію (по новому способу); состав. Шарловскій. Ч. I, для учениковъ. Спб. 1863.

2) Азбука для крестьянскихъ дѣтей, съ листомъ подвижныхъ буквъ и прописями, О. Студитскаго. Спб. 1862.

3) Русская азбука, Н. Ушакова. Спб. 1862.

4) Букварь, составленный советомъ С. Петербургскихъ воскресныхъ школъ, изданіе Дениса. Спб. 1862.

5) Русская азбука для простолюдиновъ. А. Ризникова. Спб. 1861.

6) Русская азбука для народныхъ школъ и для домашняго обученія, изд. Лермантова. Спб. 1861.

Б. Книги для чтенія.

1) Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, Максимовича.

2) Повятіе Гопкинса о народномъ богатствѣ, пер. съ Англіискаго. Москва. 1856.

3) Книга для чтенія, Паульсона. Спб. 1862.

4) Басни Крылова и Хемницера.

5) Сказка о царѣ Салтанѣ, Пушкина; изд. Исакова.

6) Народная сказка о рыбацѣ и рыбкѣ, Пушкина.

7) Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ, Пушкина.

8) Конекъ-горбунекъ, Ершова.

9) Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и жарѣ-птицѣ, Н. Языкова.

10) Та-же сказка Жуковского.

11) Разказы дѣдушки Иринея, кн. Одоевскаго.

12) Приключенія князя Конопляное-Стмечко.

13) Механикъ-самоучка Иванъ Петровицъ Кулибинъ.

В. Книги для класснаго руководства при преподаваніи Русской исторіи.

1) Краткая Русская Исторія, Н. Ушакова. Спб. 1862.

2) Разказы изъ Русской Исторіи, С. Д. Вып. 1-й. Спб. 1862.

3) Начало Руси, П. Шебальскаго. Спб. 1862.

4) Разказы изъ Русской Исторіи, Водовозова. Вып. 1-й. Спб. 1861.

Г. Книги для класснаго руководства при преподаваніи географіи:

1) Географія Россіи, для дѣтей, О. Студитскаго. Спб. 1858.

2) Земля и что на ней есть. Спб. 1862.

3) Учебный географическій атласъ для начинающихъ, по методѣ Корнеля. Спб. 1862.

Д. По ариѳметикѣ:

Руководство къ Ариѳметикѣ, Буссе.

Е. По естествознанію:

1) О землѣ, водѣ и воздухѣ. Краткая физическая географія, съ изображеніемъ двухъ земныхъ полушарій. Спб. 1859.

2) Изъ природы, Погоскаго.

3) О томъ, что происходитъ въ воздухѣ, Горбунова. Спб. 1863.

4) Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать, Горбунова. Спб. 1863.

5) Какъ узнать почву и какія бываютъ почвы, Горбунова. Спб. 1863.

6) Разказы о землѣ, на которой мы живемъ.

7) Бесѣды о землѣ, водѣ, воздухѣ и разныхъ тѣлахъ. Чтеніе для народныхъ школъ. Ч. I. Спб. 1863.

Ж. Книги, полезныя для руководства учителей:

1) Русская азбука для простаго народа съ наставленіемъ, какъ должно учить, Золотова. Спб. 1862.

2) Первоначальное обученіе письму и чтенію (по новому способу); состав. Шарловскій. Ч. II, для учителей. Спб. 1863.

3) Руководство къ изученію Русской грамоты и счисленія, Главинскаго.

IV. Распоряженія окружнаго начальства.

По финансовой смѣтѣ доходовъ и расходовъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденной на 1863 г., ассигновано къ выдачѣ въ семь году на пособіе приходскимъ училищамъ и учителямъ Харьковскаго учебнаго округа 3000 р. Сумма эта будетъ отпущена въ распоряженіе г. попечителя.

П. попечитель, сообщая о семъ по вверенному ему округу, предлагаетъ гг. директорамъ училищъ — Харьковской, Курской, Орловской, Воронежской и

Тамбовской губерніи доставить Его превосходительству, къ 1 октября сего года, по отосланной (актъ) нмъ 31 августа 1860 года формѣ, — свѣдѣніе о приходскихъ училищахъ и учителяхъ, съ требующимися формою объясненіями и съ заключеніемъ:

СТАТЬИ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

«Опытъ преподаванія новаго періода исторіи Русской литературы». Статья старшаго учителя Русской словесности Новочеркасской гимназіи *Савельева*.

(Окончаніе).

Николай Иванович Новиковъ.

Новиковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей царствованія Екатерины Великой. Онъ обладалъ глубокимъ умомъ, высокими нравственными достоинствами, непреклонностью и благородствомъ убѣжденій. Неутомимый издатель, журналистъ, книгопродавецъ, типографикъ и филантропъ, онъ сумѣлъ тѣсно сочетать съ печатнымъ словомъ гражданское дѣло. Новиковъ родился въ 1744 году. О воспитаніи его мы имѣемъ скудные свѣдѣнія. Известно только, что онъ былъ въ Московскомъ университетѣ, но главное воспитаніе получилъ въ родительскомъ домѣ, которое было далеко не блестящее. Такъ, въ письмѣ къ Карамзину Новиковъ говоритъ о себѣ, что онъ «не знаетъ никакихъ языковъ, не читалъ никакихъ латинскихъ философовъ». На 18-мъ году Новиковъ поступилъ въ гвардію; здѣсь онъ познакомился съ тогдашними литераторами и прилежнымъ чтеніемъ развилъ свои способности. Предположенія и планы преобразованій, какими было занято тогда правительство, возбуждали въ немъ энергическое желаніе содѣйствовать благимъ намѣреніямъ правительства. Онъ рѣшился приняться за изданіе сатирическаго журнала, чтобы орудіемъ насмѣшки поколебать старые предразсудки и невѣжественныя убѣжденія. Появился «Трутенъ», еженедѣльное изданіе, направленіе котораго было исключительно сатирическое. «Трутенъ» смѣнилъ «Живописецъ» (1772—3), лучший журналъ Екатерининскаго времени. Его обличительная

какое именно пособіе можетъ быть назначено на каждое изъ училищъ и каждому изъ приходскихъ учителей, при чемъ г. попечитель присовокупляетъ, что на каждую изъ означенныхъ дирекцій назначается имъ изъ ассигнованныхъ 3 т. р. по 600 р.

сатира затрогивала самые живые интересы. Въ 1774 г. Новиковъ началъ издавать новый журналъ «Кошелекъ», въ защиту Русской народности противъ иноземнаго вліянія. Скоро послѣ того Новиковъ перѣхалъ въ Москву и здѣсь продолжалъ трудиться съ большею энергіей и настойчивостію. Онъ взялъ на откупъ университетскую типографію на 10 лѣтъ; соединилъ вокругъ себя университетскую молодежь и заставлялъ переводить иностранныя сочиненія. Въ это время изданы были имъ замѣчательныя его сочиненія: «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ» и многотомная «Древняя Россійская Вивліотека». Есть извѣстіе, что еще въ 1774 г. пріатели Новикова убѣдили его принять участіе въ масонскомъ обществѣ. Новое направленіе Новикова ярко обозначилось въ его литературной и благотворительной дѣятельности въ Москвѣ, особенно когда онъ познакомился съ профессоромъ Нѣмецкаго языка Шварцемъ, который былъ приверженецъ масонства. Съ нимъ — то вмѣстѣ Новиковъ задумалъ составить общество, съ цѣлью распространить въ публикѣ правила истиннаго воспитанія; издавать духовныя книги и наставлять въ нравственной и евангельской истинѣ. Дѣйствительно, въ 1782 г. было открыто «общество дружеско-ученое». Карамзинъ говоритъ о Новиковѣ, что онъ стоялъ во главѣ общества мартинистовъ въ Москвѣ, «которые были нечто иное, какъ христіанскіе мистики: толковали природу и человека, искали таинственнаго смысла въ ветхомъ и новомъ заветѣ, но требовали истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей отъ своихъ учениковъ, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность Государю. Сверхъ того, мартинисты проповѣдывали евангельскую любовь, не щадили капиталовъ на благотворительность беднымъ и несчастнымъ и заботились объ устрой-

ствѣ больницъ, аптекъ и школъ». Въ 1784 г. основалась «типографическая компанія», образовавшаяся изъ дружеско-ученаго общества. Она устроена была съ цѣлю не только содѣйствовать изданію полезныхъ книгъ, но и выпускать ихъ въ продажу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Эту мысль Новиковъ постоянно старался привести въ исполненіе. Къ кружку Новикова принадлежало много талантливыхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Карамзинъ, авторское воспитаніе котораго началось подъ вліяніемъ Новикова; ему-же Карамзинъ былъ обязанъ и своимъ путешествіемъ по Европѣ. Благородныя дѣйствія Новикова и его сотрудниковъ нажили порицателей и завистниковъ, которые въ самомъ правительствѣ возбудили разныя подозрѣнія относительно мартинистовъ. Сама Императрица Екатерина первоначально осмѣивала мартинистовъ въ своихъ комедіяхъ, называя ихъ *мартышками*; но впоследствии были относительно ихъ сдѣланы строгія распоряженія. Въ 1785 г. Императрица повелѣла допросить Новикова о причинахъ, побудившихъ его къ изданію странныхъ книгъ, «наполненныхъ новымъ расколомъ», и митрополитъ Платонъ долженъ былъ испытать Новикова относительно вѣры. Замѣчательный отзывъ Платона о Новиковѣ: «молю всещедрого Бога, чтобы и во всемъ мірѣ были такіе христіане, какъ Новиковъ».

Оправданный отзывомъ Платона, Новиковъ продолжалъ свою дѣятельность; но въ будущемъ ожидали его гораздо важнѣйшія несчастія. Французская революція окончательно возбудила въ правительствѣ недовѣріе къ мартинистамъ. Въ 1792 г. всѣ книжные магазины и типографія Новикова были запечатаны, а его самого взяли подъ стражу и отвезли въ Шлюссельбургъ. Почти все имѣніе Новикова было конфисковано. По прошествіи 4-хъ лѣтъ, Императоръ Павелъ Петровичъ освободилъ его и обѣщалъ ему свою высокую милость. Последніе годы своей жизни Новиковъ провелъ въ своей родительской деревнѣ; утомленный тревогами и несчастіями, онъ уже не выступалъ на литературное поприще. Его последнее убѣжденіе состояло въ томъ, что всѣ науки сходятся въ религію; лишь въ ней одной разрѣшаются ихъ важнѣйшія проблемы; безъ нея никогда не доучитесь, а притомъ и не будете

спокойны. Новиковъ скончался въ 1818 г., на 75 году отъ рожденія.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

«Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество, желаемъ ему благоденствія больше, нежели славы».

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Оренбургской губерніи, въ 1765 г., въ годъ смерти Ломоносова. Сначала онъ воспитывался въ Симбирскѣ, гдѣ богатая, разнообразная Волжская природа сильно дѣйствовала на развитіе его способностей. Чувствительность развилась въ немъ очень рано и осталась отличительнымъ его свойствомъ на всю жизнь. Съ наступленіемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и поступилъ въ Московскій университетъ; здѣсь онъ изучилъ языки: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій и прочиталъ Европейскихъ писателей. По окончаніи курса, Карамзинъ переехалъ въ Петербургъ и поступилъ въ гвардію, гдѣ онъ коротко сошелся съ своимъ землякомъ, Дмитріевымъ. По выходѣ въ отставку, онъ познакомился въ Москвѣ съ образованнымъ обществомъ Новикова, которое имѣло на него благотворное вліяніе. Новикову Карамзинъ обязанъ своимъ образованіемъ и приготовленіемъ къ литературной дѣятельности. Потомъ два года онъ путешествовалъ за границу, посетилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію. Свои путевыя впечатлѣнія Карамзинъ описалъ въ письмахъ къ друзьямъ своимъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Писемъ Русскаго путешественника*. Въ этихъ письмахъ молодой путешественникъ живо и увлекательно рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ западною Европою и такимъ образомъ знакомитъ Русское общество съ состояніемъ заграничной жизни. Природа, памятники искусства, общественные нравы западныхъ народовъ—все это составляетъ содержаніе писемъ Карамзина. Письма эти произвели довольно сильное впечатлѣніе на наше общество. Пламенная и свѣжій чувства молодого автора, выраженные языкомъ легкимъ и гармоническимъ, вполне соответствовали требованіямъ господствовавшего тогда вкуса нашей публики. Нѣкоторые упрекаютъ автора въ томъ, что онъ болѣе обращалъ вниманіе на внѣшность

Европейской образованности, рассказывает анекдоты, дорожныя случайности, и т. д.; но этой-то легкости и поверхности содержания «письма Русскаго путешественника» обязаны своимъ великимъ влияніемъ на публику, потому что эта публика была еще неготова для интересовъ болѣе важныхъ и болѣе глубокихъ. Возвратившись въ отечество, Карамзинъ издавалъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, «Московский журналъ», въ которомъ помѣщались, кромѣ стихотвореній Державина, Дмитріева, и собственныхъ оригинальныхъ повѣсти Карамзина: «Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь», а также переводы изъ Мармонтеля. Повѣсти эти были приняты съ восторгомъ современниками, потому что содержаніе ихъ вполне соответствовало вкусу и наклонностямъ тогдашняго общества. Всѣ съ жадностью читали и и проливали непритворныя слезы надъ «Бѣдной Лизой». Наши дамы, до того времени ничего не читавшія, выучивали наизусть цѣлыя страницы изъ повѣстей Карамзина. Историческая повѣсть «Марѳа Посадница», кромѣ чувствительности, отличается еще трагическимъ тономъ, господствовавшимъ и любимымъ въ то время. Вообще въ повѣстяхъ Карамзина нѣтъ вѣрнаго изображенія дѣйствительности, но за-то это были первыя Русскія сочиненія, которыя заинтересовали наше общество, потому что въ нихъ выведены были живыя лица, вмѣсто прежнихъ небывалыхъ героевъ, и вѣрно отражается *жизнь сердца*, какъ ее понимали люди того времени. Въ 1794 г. Карамзинъ издалъ альманахъ, или литературный сборникъ, подъ названіемъ «Аглая», состоящій изъ его стихотвореній и большой сказки «Илья Муромецъ», написанной въ подражаніе стариннымъ Русскимъ сказкамъ. Въ этомъ-же альманахъ былъ помѣщенъ рассказъ: «Островъ Борнгольмъ», содержаніе котораго заимствовано изъ путевыхъ впечатлѣній автора. Потомъ Карамзинъ издавалъ еще сборникъ стихотвореній «Аониды» и журналъ «Вѣстникъ Европы». Этими литературными трудами оканчивается первый періодъ его дѣятельности. Въ 1803 г. Императоръ Александръ назначилъ Карамзина исторіографомъ Россійской имперіи. Черезъ 12 лѣтъ Карамзинъ представилъ государю 8 томовъ своей Исторіи государства Россійскаго. Государь принялъ этотъ трудъ съ благоволе-

ніемъ и щедро наградилъ автора. Въ 1816 г. Карамзинъ перетхалъ на жительство въ Петербургъ и здѣсь-то были написаны имъ 9, 10, 11 и 12, томы его исторіи. Но усиленные труды истощили здоровье Карамзина, а извѣстіе о смерти Александра I поразило его окончательно. Императоръ Николай принялъ живое участіе въ Карамзинѣ. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Карамзина онъ назначилъ ему, а посмерти его — жень и дѣтямъ, 50,000 рублей ежегодно. Но черезъ 10 дней по полученіи этого рескрипта, Карамзинъ скончался, въ 1826 г. Въ Симбирскѣ открытъ ему памятникъ въ 1845 году.

Дѣятельность Карамзина по преимуществу — дѣятельность литератора, а не ученаго и не поэта. До Карамзина нечего было читать по-русски, потому что тогда все, написанное до него, было ужасно тяжело и торжественно; изображался какой-то героическій не существующій міръ, выводились на сцену не естественныя и не бывалыя лица. Карамзинъ уже своими письмами и повѣстями успѣлъ заохотить Русскую публику къ чтенію Русскихъ книгъ, познакомилъ ее съ чувствами и образомъ мыслей Французскаго образованнаго общества, а своими журналами и статьями о разныхъ предметахъ онъ распространилъ въ Русскомъ обществѣ познанія, образованность и вкусъ. Письмами Русскаго путешественника и повѣстями Карамзина въ литературу нашу внесено было *сентиментальное направление*, которое было тогда въ модѣ во всей западной Европѣ. Феодальная дикость и грубость нравовъ средневѣковой Европы въ XVIII стол. уступила мѣсто цивилизованности чувствъ. Среди роскошной и развратной жизни, маркизы и виконты времени Людовика XIV и XV вздыхали о простотѣ и невинности пастушеской жизни. М-мъ Дезульеръ въ своихъ пидліяхъ воспѣвала бѣдныя хижинны, барашковъ, пастушковъ, голубковъ; это вздыхательное сентиментальное направленіе вполне соответствовало природнымъ качествамъ характера Карамзина. Глубокая чувствительность выразилась не только въ письмахъ, повѣстяхъ, но и во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ этого писателя. Примѣръ Карамзина произвелъ многихъ подражателей. «Чувствительные путешественники», говоритъ одинъ писа-

тель, «совершалъ путешествія, не выходя изъ кабинета, и на всѣ предметы, даже самыя грубыя, смотрѣли глазами идилика». Не смотря на свои смѣшныя стороны, эта сентиментальность имѣла свое значеніе и принесла пользу для нашего общества. Смѣшны теперь эти романическія имена: Лилетта, Леонія, Милонъ, Модестъ; но въ этихъ лицахъ выразилась наклонность нашего общества къ романтической мечтательности, вмѣсто прежняго восторга торжественныхъ одъ. Естественно, что новыя идеи и понятія, внесенныя Карамзинымъ въ нашу литературу, требовали и новаго языка. До Карамзина господствовало въ нашей литературѣ латинское построеніе рѣчи, состоящее изъ длинныхъ періодовъ. Не было хорошаго образца для Русской рѣчи: народный языкъ былъ отверженъ образованнымъ обществомъ, а потому стоялъ на низкой степени развитія; высшее общество не говорило по-русски; ученые люди писали по книжному, а говорили иначе. Карамзинъ первый ввелъ въ нашъ языкъ новое построеніе рѣчи, болѣе сходное съ живыми языками — Французскимъ и Италіянскимъ. Но занимая новыя понятія изъ Французскихъ писателей, Карамзинъ не могъ избѣжать въ своихъ выраженіяхъ Французскихъ словъ и оборотовъ; подражатели его довели это направленіе до крайности: они стали употреблять безъ малѣйшей нужды Французскіе слова и обороты, отъ чего Русскій языкъ того времени представлялъ самую пеструю смѣсь словъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ. Подобное уродливое явленіе еще называли періодомъ *приличности* (*elégance*) слога. Противъ этихъ нововведеній возсталъ почтенный поборникъ старины, Шишковъ, въ своемъ сочиненіи — «О старомъ и новомъ слогахъ Россійскаго языка». Защищая Славянскій языкъ и возставая противъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ въ Карамзинскомъ языкѣ, Шишковъ впадаетъ въ другую крайность. Въ противоположность иностраннымъ словамъ онъ предлагаетъ въ употребленіе такія слова, которыя уже давно потеряли для насъ свой смыслъ: *вертъ*, *гобзованіе* и другія. Этотъ споръ двухъ партій принесъ свою пользу; Карамзинъ воспользовался замѣчаніями своего противника, и языкъ его съ каждымъ новымъ сочиненіемъ совершенствовался все

болѣе и болѣе. Правда, встречаются у него иногда выраженія книжныя, слова и обороты уже устарѣвшіе нынѣ, но въ его время то, что кажется намъ книжнымъ, было во всеобщемъ употребленіи у литераторовъ, и то, что теперь всѣми усвоено, было имъ впервые заимствовано или изъ языка народного, или изъ древней нашей литературы. Съ Карамзинымъ кончается Ломоносовскій періодъ Русской литературы, періодъ тяжелаго, высокопарнаго книжнаго направленія, и весь періодъ отъ Карамзина до Пушкина слѣдуетъ назвать Карамзинскимъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Крыловъ родился въ 1768 году, спустя 50 лѣтъ послѣ перваго нашего баснописца Сумарокова. Отецъ его былъ бѣдный армейскій офицеръ, по обязанностямъ службы часто перемѣнявшій мѣсто своего жительства. По случаю безпокойствъ, возникшихъ отъ Пугачева, онъ принужденъ былъ отправиться въ Оренбургъ, гдѣ, при защищеніи одной крѣпости противъ мятежниковъ, онъ показалъ рѣшительность и благоразуміе. По окончаніи военныхъ дѣйствій, отецъ нашего поэта перешелъ въ гражданскую службу въ Тверь, гдѣ онъ и умеръ въ 1780 году. Такимъ образомъ, первоначальныя заботы о воспитаніи сына возложены были на его мать, которая осталась безъ всякаго состоянія и даже не получала пенсіи; но умственные способности 11-лѣтняго Крылова развивались замѣтно, и онъ видимо обѣщалъ некогда сдѣлаться подпорою своей матери. Книги, оставленныя ему его отцемъ, онъ безъ разбору перечиталъ всѣ. На дѣтей, родившихся съ поэтическими способностями, самое сильное впечатлѣніе производятъ драматическія сочиненія. Начитавшись про героевъ древней Греціи и Рима, молодой поэтъ началъ уже составлять въ своей головѣ планы разныхъ драматическихъ пьесъ, и на 15 году онъ написалъ первую свою оперу «Кофейница». Нужда и бѣдность сильно преслѣдовали бѣдную вдову; наконецъ она рѣшилась поѣхать въ Петербургъ, гдѣ надѣялась выхлопотать себѣ пенсію и найти для сына выгодное мѣсто. Не смотря на лишенія и бѣдность, жизнь въ низшихъ слояхъ общества много способствовала къ развитію таланта нашего

баснописца; она дала ему возможность, еще въ юные годы дѣтства, ближе познакомиться съ простонародною русскою жизнью и яснѣе разглядѣть главныя черты кореннаго Русскаго быта. Въ Петербургѣ Крыловъ познакомился съ знаменитымъ актеромъ Дмитревскимъ, который давалъ ему полезныя совѣты и замѣчанія на счетъ его драматическихъ сочиненій. Такъ, трагедія «Клеопатра», написанная Крыловымъ въ подражаніе Французскимъ трагедіямъ, была уничтожена по совѣту Дмитревскаго. Такой-же участи подверглась и другая трагедія Крылова «Филомела», рабское подражаніе древнимъ трагикамъ. Скудная и однообразная служебная жизнь не понравилась молодому поэту и онъ рѣшился издавать журналъ, думая тѣмъ приобрести извѣстность и деньги. Въ теченіе 12 лѣтъ, отъ 1789 до 1801 года, Крыловъ оставался безъ должности, работалъ для своихъ журналовъ и писалъ множество театральныя пьесы. Первый журналъ Крылова «Почта Духовъ», имѣлъ преимущественно сатирическое направленіе. Главною цѣлью этого изданія было утвердить въ Россіи отечественныя нравы и особенно языкъ, который тогда былъ совершенно вытѣсненъ изъ высшаго круга общества. Будучи глубоко убѣжденъ, что успѣхи отечественнаго образованія сильно задерживаются ложнымъ воспитаніемъ, предпочтеніемъ иностраннаго языка отечественному, Крыловъ въ послѣдствіи довольно часто обращается къ развитію этой мысли. Таковы двѣ комедіи — «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ», и три басни — «Крестьянинъ измѣя», «Бочка» и «Воспитаніе льва». Журналъ «Почта духовъ» издавался только въ продолженіе одного года. Спустя нѣсколько времени, Крыловъ приступилъ къ составленію новаго журнала, подъ названіемъ «Зритель». Изданіе этого журнала предпринято было съ цѣлью, какъ говоритъ самъ издатель, «чтобы пороки, представленныя во всей гнусности, вселяли отвращеніе, а добродѣтели, изображаемая во всей красотѣ, плавила собою читателя». Послѣ «Зритель», Крыловъ навсегда покинулъ изданіе журналовъ. Театръ еще долго привлекалъ все его вниманіе. Онъ оставилъ писать трагедіи и сильно пристрастился къ комедіямъ въ прозѣ. Его комическая опера «Бѣшеная семья» и комедія «Проказни-

ки» были написаны подъ сильнымъ вліяніемъ дурныхъ образцовъ. Въ нихъ нѣтъ ни Русскаго общества, ни нашихъ нравовъ, ни истины въ характерахъ и дѣйствіяхъ. Вообще, ни въ чемъ нѣтъ правдоподобія, все доведено до самой грубой карикатуры. Время между 1795 и 1801 г. Крыловъ провелъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Посреди столпныхъ развлеченій, онъ и самъ не могъ замѣтить, какъ проходилъ годъ за годомъ. Такъ прошло 6 лѣтъ. Наконецъ бездѣйственная жизнь наскучила Крылову. Въ это время въ его судьбѣ приняла живое участіе Императрица Марія Федоровна, и Крыловъ былъ назначенъ на службу при Рижскомъ губернаторѣ князь Голицынѣ. Спустя 5 лѣтъ, онъ снова возвратился въ Петербургъ, къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Прѣздомъ чрезъ Москву Крыловъ познакомился съ извѣстнымъ тогда литературнымъ обществомъ, во главѣ котораго стояли Дмитріевъ и Карамзинъ. Желая болѣе сблизиться съ Дмитріевымъ, онъ перевелъ изъ Лафонтена двѣ басни: «Дубъ и Трость» и «Разборчивую невѣсту». Дмитріевъ нашелъ этотъ опытъ довольно удачнымъ и убѣждалъ Крылова не покидать этого рода поэзіи. Въ 1808 году Крылову минуло 40 лѣтъ, съ этого только времени онъ созналъ свое назначеніе, устремилъ всю свою поэтическую дѣятельность на одинъ родъ поэзіи — басню. Въ 1809 году вышелъ уже первое изданіе его басенъ въ числѣ 23; содержаніе большей части этихъ басенъ Крыловъ заимствовалъ у Лафонтена. Теперь же всѣхъ басенъ Крылова — 197; изъ нихъ только 30 такихъ, содержаніе которыхъ заимствовано у другихъ поэтовъ; всѣ остальные — оригинальны, какъ по вымыслу, такъ и по разсказу. Въ 1812 г. Крыловъ опредѣлился на службу въ Императорскую публичную бібліотеку, и съ этой эпохи начинается для него новая жизнь, тихая, беззаботная, почти неподвижная. До 1844 года онъ не перемѣнилъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Отъ скуки онъ иногда сочинялъ новыя басни, но большую часть времени проводилъ въ чтеніи пустыхъ романовъ; между тѣмъ, нмѣя и талантъ Крылова становились уже народными. Сосредоточивъ свою дѣятельность на одномъ родѣ поэзіи, онъ рѣзко отдѣлился отъ прочихъ писате-

лей и утвердилъ за собою выгодное для себя мѣ-
щеніе. Императоръ Александръ Павловичъ при-
казалъ выдавать поэту ежегодно 1500 руб. пен-
сій; чрезъ 6 лѣтъ эта пенсія была удвоена. Ино-
странныя также цѣнили талантъ Крылова. По пред-
ложенію графини Орловой, жившей тогда въ Па-
рижѣ, всѣ тогдашнія знаменитые Французскіе ли-
тераторы согласились перевести басни Крылова на
Французскій языкъ. Совокупилось 57 талантовъ,
чтобы одѣлать одинъ. Наконецъ, лучшія басни Кры-
лова облеклись въ игривые и блестящіе Француз-
скіе стихи. Всѣхъ басенъ переведено 89. Отноше-
нія Крылова къ царскому семейству были самыя
завидныя. Въ 1837 г., по Высочайшему повелѣ-
нію, пенсія была увеличена до 6000 руб. «въ ува-
женіе заслугъ, оказанныхъ имъ отечественной сло-
весности». Императрица Марія Ѳеодоровна все-
гда покровительствовала Крылову и часто пригла-
шала его къ себѣ, въ Павловскѣ. Здѣсь была за-
писана басня «Василекъ», которая свидѣтельствуетъ
о глубокомъ чувствѣ признательности Крылова къ
Императрицѣ. Въ 1838 г. отпразднованъ былъ 50-
лѣтній юбилей литературной дѣятельности Крылова.
Послѣдніе три года своей жизни Крыловъ очень
редко показывался въ обществѣ; все время онъ про-
водилъ дома, занимаясь обученіемъ дѣтей грамотѣ.
Скончался въ 1844 г., на 77 году отъ роду. До
Крылова у насъ писали басни Сумароковъ, Хемниц-
еръ и Дмитріевъ; но въ ихъ басняхъ нѣтъ отли-
чительныхъ красотъ Русской народности. Басни же
Крылова суть выраженіе Русскаго человѣка, безъ
всякой посторонней примѣси. Гоголь говоритъ, что
«всюду у него Русь и Русью пахнетъ».

Въ басняхъ Крылова представлены тѣ-же звѣри,
и съ такимъ характеромъ, какъ и въ народной поэ-
зіи: *Лягушка квакушка, на горѣ увѣртишь* (заяцъ),
вездѣ поскокишь (лиса), *изъ-за кустовъ хватись*
(волкъ), *лѣсной гость есъхъ насъ доведетъ* (медвѣдь).
Эти сказочные звѣри являются и въ басняхъ Кры-
лова, съ тѣмъ-же почти характеромъ; но кромѣ то-
го для своихъ сатирическихъ цѣлей Крыловъ бралъ
нѣкоторыхъ животныхъ у Лафонтена, какъ напри-
мѣръ: льва, слона, обезьяну, осла. Такимъ образомъ
у него въ басняхъ встрѣчаются всѣ звѣри, необ-
ходимые для сатиры: тутъ является высшій и

низшій міръ, съ разными властями и подчиненны-
ми. Одни животныя представляютъ особъ, облечен-
ныхъ властію, другіе — исполнителей ихъ приказан-
ній, наконецъ третьи — загнанные и безотвѣтные. И
такъ, басни Крылова въ изображеніи животнаго
міра сходны съ нашими народными сказками. Еще
болѣе высказывается народность Крылова въ языкѣ
его басенъ, который богатъ народными выраже-
ніями, картина у него всегда обрисована немноги-
ми, но меткими чертами, мысль заключается въ
краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, идіомы
встрѣчаются на каждомъ шагу. Кромѣ народности
басни Крылова чрезвычайно важны и по мыслямъ,
которыя въ нихъ выражаются. Не смотря на свою
неторопливость и повидному равнодушіе къ совре-
меннымъ явленіямъ жизни, Крыловъ однакожъ слѣ-
дилъ всякое событіе внутри государства и на все
подавалъ свой мудрый совѣтъ. Таковы его басни:
«Безбожники», «Водолазы», «Конь и всадникъ», «Пушки
и паруса». Большая половина басенъ Крылова не
имѣетъ отношенія къ нашему общественному быту:
въ нихъ представляются общечеловѣческіе пороки.
Угнетеніе слабыхъ сильными представляетъ одну
изъ темъ, которая чаще всего встрѣчается у Кры-
лова; особенно же изображеніе воровъ и взяточни-
ковъ составляетъ у Крылова лучшую часть его са-
тиры. Здѣсь онъ рѣзко выставляетъ типы, взятые
изъ тогдашней Русской жизни; его служебная жизнь
дала ему возможность наблюдать эти типы. Отно-
сительно слога басенъ Крылова, можно вполне
согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Гоголя:
«у него не поймашь его слога, не схватишь стиха.
Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли
онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ,
гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ пред-
метъ движется; кричаешь, гдѣ кричаешь мысль,
и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легко-
вѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и по-
слушна мысли и летаетъ, какъ муха».

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Жизнь Жуковскаго не представляетъ занима-
тельнаго разнообразія: она вся почти была посвя-
щена тихому кабинетному труду и поэтическому
вдохновенію. Наибольшую часть своей жизни поэтъ

провелъ безсемеино, только дѣтство и старость его были озарены радостями семейной жизни. Жуковский родился 29 января 1784 г. въ селѣ Мищенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губернии. Уже первыя его дѣтскія наклонности предсказывали въ немъ будущее развитіе таланта и вкуса. Въ раннемъ еще дѣтствѣ, Жуковский лишился отца и остался на попеченіи матери. Молодого поэта помѣстили въ Тульское народное училище, гдѣ онъ пробылъ до 1797 г. Въ это время родные Жуковского отправились съ нимъ въ Москву и зачислили его въ благородный пансіонъ Московскаго университета. Здѣсь все способствовало къ развитію счастливыхъ дарованій поэта. Между своими товарищами онъ встрѣтилъ тѣхъ избранныхъ, которые до конца жизни остались его друзьями. Въ домъ куратора университета, Тургенева, Жуковский познакомился съ Карамзинымъ и Дмитриевымъ, которые служили для него образцами вкуса. Въ пансіонѣ Жуковский пробылъ до 1800 г., а въ 1802 г. онъ оставилъ Москву и переехалъ къ своимъ роднымъ въ Мишенское, куда влекли его воспоминанія дѣтства. По прибытіи въ деревню онъ написалъ первое свое стихотвореніе — «Сельское кладбище», которое вдругъ поставило его на-ряду съ лучшими Русскими поэтами. Здѣсь-же написаны были и другія его стихотворенія, какъ-то: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» и баллада «Светлана». Сюда-же часто прѣзжалъ Батюшковъ, съ которымъ Жуковский былъ связанъ самою искреннею дружбою. Въ одномъ изъ своихъ посланій Батюшковъ, прощаясь съ Жуковскимъ, говоритъ ему: «Прости, балладинокъ мой, Бѣлева мирный житель! Да будетъ Фебъ съ тобой, Нашъ давній покровитель. Такъ ты, краса пѣвцовъ, Среди забавъ невинныхъ, Въ отчизнѣ золотой Преместны гимны пой!» Въ 1808 г. Жуковский принялъ въ свое завѣдываніе редакцію «Вѣстника Европы» и сообщалъ этому изданію жизнь и занимательность. Конечно, лучшимъ украшеніемъ журнала были его собствен-

ныя сочиненія и переводы. Черезъ два года Жуковский передалъ изданіе журнала Каченовскому и поселился въ Орловской губерніи, въ деревнѣ сестры своей. Освободившись отъ срочной работы, онъ вполне предался поэзіи. Тихая жизнь, въ кругу близкихъ родныхъ, развила въ характеръ Жуковского благородныя и чуждыя чувствованія. Чистыя и возвышенныя ощущенія, испытанныя имъ въ это время, онъ изобразилъ преимущественно въ «Посланіи къ Батюшкову» и въ первой части «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ». Между тѣмъ имя Жуковского становилось извѣстнымъ. Стихи его быстро переходили изъ рукъ въ руки и читались всѣми съ жадностью. Еще въ 1807 появилось стихотвореніе «Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей». Въ 1812 г. обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о составленіи военнаго ополченія, и Жуковский поступилъ туда въ чинѣ поручика; послѣ отдачи Москвы непріятелю, поэтъ выразилъ свои чувства въ стихотвореніи «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ». Сильное впечатлѣніе произвело это стихотвореніе не только на войско, но и на всю Россію. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ Русскихъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ, какъ заветное слово. Императрица Марія Оеодоровна, прочитавъ это стихотвореніе, пожелала имѣть одинъ экземпляръ, переписанный рукою самого поэта.

По прибытіи Жуковского въ Москву въ 1815 г., онъ получалъ приглашеніе быть чтецомъ у Императрицы. Такимъ образомъ лучшіе наши писатели — Карамзинъ, Крыловъ, Дмитриевъ, Гнѣдичъ и Жуковский, сходились на вечерахъ у Августѣйшей покровительницы. Въ 1816 г. появилось первое изданіе стихотвореній Жуковского и принято было всѣми съ восторгомъ. Императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ автору брилліантовый перстень и 4,000 руб. ежегоднаго пансіона. Вскорѣ Жуковский избранъ былъ для преподаванія Русскаго языка Великой княгинѣ Александрѣ Оеодоровнѣ. Съ удивительнымъ терпѣніемъ принялся онъ за образованіе Русской грамматики и переводилъ для своей слушательницы лучшія стихотворенія изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Эти переводы самъ поэтъ хранилъ, какъ что то священное, а потомъ напечаталъ ихъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ

съ надписью «Для немногихъ». Наступилъ 1822 г. и Жуковский отправился за границу, въ числѣ особъ, сопровождавшихъ Великаго князя Николая. Въ продолженіе этой поездки онъ написалъ три поэмы и много мелкихъ стихотвореній. Эти поэмы слѣдующія: «Пери и Ангелъ» и «Шильонскій узникъ» Байрона, и драма «Орлеанская дѣва». По возвращеніи въ Петербургъ, Жуковский былъ избранъ въ наставники, при воспитаніи Великаго князя Наслѣдника, нынѣ Государа Императора. Переходя къ новой священной обязанности, поэтъ сосредоточилъ всѣ свои заботы на одномъ предметѣ. Можетъ-быть, ни одно лицо не приступало къ исполненію этой должности съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковский. Новая должность занимала все время и всѣ труды поэта; въ продолженіе 1826 и 1827 гг. онъ не написалъ ни одного стихотворенія. Только въ 1828 г. онъ началъ пользоваться нѣкоторыми свободными часами, и въ это время написано было стихотвореніе по случаю смерти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, гдѣ поэтъ выражаетъ свою глубокую скорбь. Въ 1831 г. Жуковский перѣхалъ въ Царское Село, гдѣ въ это время жилъ Пушкинъ. Тогда Пушкинъ былъ увлеченъ Русскими сказками и написалъ своего «Салтана и Гвидона». Жуковский также принялся за этотъ родъ поэзіи. Такимъ образомъ появились «Берендей», «Спящая царевна» и «Война мышей и лягушекъ». Въ это-же время написаны и вмѣстѣ изданы: «три стихотворенія на взятіе Варшавы» Жуковского и Пушкина. Продолжительныя занятія неблагопріятно подѣйствовали на здоровье Жуковского. Это побудило его въ слѣдующемъ году предпринять путешествіе за границу. Большую часть времени Жуковский провелъ въ Швейцаріи. Въ письмахъ своихъ къ роднымъ и друзьямъ, онъ изображаетъ свою тогдашнюю жизнь, рисуетъ картины природы и высказываетъ настроеніе своей души. Годъ и 3 мѣсяца пробылъ Жуковский за границею. Въ Швейцаріи же написалъ онъ три первыя главы «Уданы», которая была окончена въ 1836 г. Между тѣмъ воспитаніе Государа Наслѣдника приходило къ концу. Въ 1834 г. была торжественно совершена присяга Наслѣднику, и въ это-же время явилось «многочтіе Го-

сударю» и «три народныхъ пѣсни», въ которыхъ Жуковский выразилъ свои чувства къ своему Августѣйшему питомцу. Въ 1838 г. Жуковскому предстояло отправиться въ другое путешествіе за границу, въ свѣтъ Государа Наслѣдника. Во время этого путешествія онъ написалъ драматическую поэму «Камэнсъ» и перевелъ во второй разъ элегію Грея: «Сельское кладбище». Въ 1840 г. Жуковскому исполнилось 56 лѣтъ. Въ непрерывныхъ трудахъ и дѣятельности пролетѣла для него пора молодости, пора тихаго семейнаго счастья; въ будущемъ ему угрожало грустное одиночество. Но providѣніе покровительствовало судьбѣ поэта. Жуковский, при каждой поездкѣ за границу, посѣщалъ друга своего, полковника Рейтерна. Старшая дочь его Елизавета отличалась умомъ, образованностью и необыкновенною красотою. Ей въ это время исполнилось 19 лѣтъ, и она-то обратила на себя вниманіе нашего поэта. Счастіе въ образѣ милой дѣвушки озарило послѣдніе годы жизни Жуковского. Это-же счастье навѣяло на душу поэта ту свѣтлую поэзію, которою проникнута его Индійская повѣсть «Наль и Дамаянти». Тихая семейная жизнь произвела перемѣну въ самой поэтической дѣятельности нашего поэта. Туманная дѣль, меланхолическая задумчивость уступили мѣсто болѣе свѣтлому и спокойному воззрѣнію на жизнь. Въ посвященіи къ поэмѣ «Наль и Дамаянти» самъ поэтъ ясно выражаетъ спокойствіе своей души въ это время. «Подъ старость», говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, «я пристрастился къ древнему рассказчику Гомеру и началъ на его ладъ рассказывать своимъ соотечественникамъ Одиссею», которая была окончена только въ 1849 г. Разстроенное здоровье жены заставило Жуковского на-время поселиться въ Баденъ-Баденъ. Тоска по роднѣ овладѣла душею поэта, онъ каждый годъ собирался ѣхать въ Россію, но недуги больной жены удерживали его за границей. Среди такой тревоги внезапно его постигла страшная болѣзнь: онъ лишился зрѣнія. Въ этомъ состояніи онъ еще началъ писать поэму «Странствующій жидъ», которую назвалъ своею послѣднею лебединою пѣснью. Онъ скончался въ Баденъ-Баденъ въ 1852 году.

«Поэзии чудесный гений,
Плещи таинственных видений,
Любви, мечтаний, и чертей,
Могилы и рай вѣрный житель».

Пушкинъ.

«Въ Русской поэзии явились луна и туманы,
Уныніе и грусть, смерть и гробъ».

Бѣлинскій.

Жуковский ввелъ въ Русскую поэзію романтизмъ. Въ тѣсномъ и существенномъ своемъ значеніи романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Следовательно, всякое возвышенное чувство, любовь, дружба, есть проявленіе романтизма, а потому почти всякаго человѣка можно назвать романтикомъ. Въ такомъ значеніи романтизмъ существовалъ во все время и у всѣхъ народовъ, но особенно полное свое развитіе онъ получилъ въ средніе вѣка. Отличительныя свойства средневѣковаго романтизма — мечтательность, таинственность, отчужденіе отъ земнаго и неопредѣленнаго стремленія въ туманную даль, къ чему-то лучшему и возвышенному. Любовь, вѣрность и рыцарская честь считались существенными элементами этого романтизма. Женищина, «дама сердца», была царицею въ средневѣковомъ обществѣ, любовь къ ней до гроба считалась необходимымъ условіемъ жизни всякаго рыцаря. Но тогда было особенное понятіе о красотѣ; тогда любили какую-то туманность и неопредѣленность въ выраженіи лица и идеалъ средневѣковой женщины являлся вовсе безъ формъ, какою-то тѣнью, призракомъ. Этотъ-то средневѣковой романтизмъ въ началѣ XIX столѣтія, снова появился въ сочиненіяхъ нѣмецкихъ поэтовъ, особенно Шиллера. Въ своихъ балладахъ онъ вполне воскресилъ средневѣковой мистицизмъ, эту туманность и неопредѣленность содержанія. Подобное возрожденіе средневѣковаго романтизма, возникшее въ Германіи, сообщилося и всей остальной Европѣ. Во Франціи представителями романтической поэзіи являются въ-особенности два поэта: Викторъ-Гюго и Ламартинъ. У насъ-же Жуковский явился проводникомъ въ Русскую жизнь романтизма среднихъ вѣковъ, и въ этомъ-то заключается его значеніе и заслуга въ Русской литературѣ. Чтобы ознакомить наше общество съ романтизмомъ, Жуковский выбралъ для этого путь подра-

жанія, заимствованія изъ Англійскихъ и Нѣмецкихъ поэтовъ, особенно же изъ Шиллера, романтическое направленіе котораго возбуждало сильную симпатію въ нашемъ поэтѣ. Такимъ образомъ Жуковский является больше переводчикомъ, чѣмъ оригинальнымъ поэтомъ. Но онъ переводилъ особенно хорошо только то, что гармонировало съ внутреннею настроенностью его духа. Такъ онъ перевелъ поэму Байрона «Шильонскій узникъ», въ которой изображаются страданія; у Мура онъ взялъ «Пери и Ангелъ», гдѣ представлено стремленіе души отъ земли къ небу. Драма «Орлеанская дѣва» Шиллера также выражаетъ небесное вдохновеніе и отверженіе земли для неба. Жуковского считаютъ у насъ преимущественно авторомъ балладъ, и Батюшковъ въ одномъ своемъ посланіи называетъ его балладникомъ. Первые его баллады имѣли огромный успѣхъ въ родѣ того, какимъ пользовалась въ свое время «Бѣдная Лиза» Карамзина. Содержаніе ихъ самое романтическое, во вкусъ среднихъ вѣковъ. Такимъ-же характеромъ отличаются баллады: «Алина и Альснмъ», «Эолова Арфа», «Рыцарь Тоггенбургъ», «Мальвина и Эдвинъ», «Замокъ Смальгольмъ» и др.

Главное ихъ содержаніе составляетъ несчастная любовь, могила, крестъ, привидѣніе, ночь, луна, а иногда домовые и вѣдьмы; всѣ онѣ отличаются грустнымъ, меланхолическимъ чувствомъ. Въ собственно-лирическихъ стихотвореніяхъ Жуковского болѣе, чѣмъ въ его балладахъ, высказывается сущность и характеръ его романтизма. Здѣсь желаніе, порывъ къ чему-то неопредѣленному, вздохъ, жалобы на несовершенство надежды, которымъ не было имени, грусть по утраченномъ счастьи, которое неизвѣстно въ чемъ состояло. Любовь играетъ важную роль въ поэзіи Жуковского. Но эта любовь у него является какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ; это не любовь, а скорѣе потребность, жажда любви, стремленіе къ любви, или, какъ самъ поэтъ говоритъ, это —

«унынія прелесть, волненье надежды,
И радость и трепетъ при встрѣчѣ очей,
Ласкающій голосъ, души восхищеніе,
Могущество тихихъ таинственныхъ словъ,
Присутствія радость, томленіе разлуки».

Эта неопредѣленность и туманность стремленій

арче всего высказывается въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Жуковскаго — «Тайнственный посѣтитель». Кто этотъ тайнственный посѣтитель, поэтъ и самъ не можетъ опредѣлить: надежда ли, любовь ли, дума, поэзія, предчувствіе? Только въ заключеніе онъ говоритъ:

«Часто въ жизни то бываетъ

Кто-то свѣтлый подметитъ,

И подыметъ покрывало,

И въ далекое манитъ».

Скорбь и страданія, какъ главнѣйшіе элементы всякой романтической поэзіи, нашли себѣ отзывъ и въ поэзіи Жуковскаго. Въ этомъ отношеніи Жуковскаго можно назвать *плещемъ сердечныхъ утратъ*; но его скорбь и страданія не терзаютъ душу, а навѣваютъ тихую грусть на читателя и самъ поэтъ какъ-будто ласкаетъ и голубитъ свое страданіе:

«Любовь, ты погнѣла; ты, радость, умчалась:

Одна о мнѣ вѣетъ тоска мнѣ осталась».

Такимъ характеромъ отличается его «Шильонскій узникъ», въ которомъ представлена ужасная картина душевныхъ страданій. Глубоко-патріотическое чувство поэта отразилось въ его стихотвореніи «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ». Подвиги героевъ, павшихъ за родину, представлены здѣсь въ какомъ-то чудномъ поэтическомъ свѣтѣ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ жизни каждаго героя и выразить его сильнымъ словомъ. Живые воины позавидывали павшимъ своимъ товарищамъ. — И такъ, вотъ въ чемъ заключается романтизмъ, введенный въ нашу жизнь Жуковскимъ: это мѣръ, чуждый всякой дѣйствительности, населенный тѣнями и неуловимыми призраками; это недовольство дѣйствительностью и стремленіе въ облачныя страны; наконецъ, это любовь, которая живетъ только грустью и страданіемъ, съ которымъ примиряется самъ страдалецъ. Бываетъ пора въ жизни каждаго человѣка, когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротою сменяются одно другое, и сердце, желая многого, не хочетъ ничего, и юная душа стремится къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земнаго міра. Правда, въ этой порѣ много односторонности, больше фантазій, чѣмъ истиннаго чувства, и за нею

непрерѣнно должна слѣдовать пора горькаго и тяжелаго разочарованія. Но эта пора юношескаго энтузіазма — необходимый моментъ въ развитіи всякаго человѣка. Средніе вѣка были этимъ моментомъ въ развитіи народовъ западной Европы, и для насъ, для Русскихъ, поэзія Жуковскаго была подобною-же эпохою развитія. Она воспитала собою цѣлое поколѣніе и теперь еще сильно дѣйствуетъ на нашу душу и сердце въ извѣстный возрастъ жизни или въ извѣстномъ расположеніи духа. Пушкинъ вѣрно оцѣнилъ значеніе поэзіи Жуковскаго для Русскаго общества въ слѣдующемъ мадригалѣ:

«Его стиховъ плѣнительная сладость

Пройдетъ вѣковы завистливую даль,

И внемля имъ вздохнешь о славы младость,

Утѣшится безмолвная печаль,

И рѣзвая задумается радость».

Дѣйствительно, изучая поэзію Жуковскаго, невольно притянешь къ нему его собственные слова о Вальтерѣ-Скоттѣ: «посреди этого очаровательнаго міра, самое очаровательное есть самъ авторъ — его свѣтлая, чистая и младенчески вѣрующая душа. Ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ. Вмѣстѣ съ поэтомъ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту, и знаешь, какое назначеніе души твоей». Жуковскій обладалъ удивительнымъ искусствомъ живописать картины природы и впадать въ нихъ романтическую жизнь. Изображаетъ ли онъ утро, вечеръ, ночь, бурю ли, — все это у него дышетъ какою-то таинственностью и какою-то загадочною прелестью. Стихъ его, какъ и самое содержаніе его поэзіи, по выраженію Гоголя, «легокъ и безтѣлесенъ, какъ видѣніе».

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ 1799 году, 25 мая, въ Москвѣ. Общая няня Арина Родионовна няньчила все молодое поколѣніе Пушкинскихъ. Какъ вся Русскія няни, она отличалась добродушіемъ, вѣжливымъ расположеніемъ къ молодости и притворною строгостью. Вся Русскія сказки были ей извѣстны, и она передавала ихъ чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Содержаніе большей части своихъ сказокъ Пушкинъ заимство-

валъ отъ своей няни, доказательствомъ чему служатъ стихотвореніе «Зимній вечеръ», въ которомъ Пушкинъ обращается къ своей нянѣ въ слѣдующихъ словахъ:

«Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила,
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла».

Въ 1811 году Пушкинъ поступилъ въ Царско-Сельскій лицей. Учебная жизнь молодого поэта была не блестящая. При обширной памяти и при большихъ дарованіяхъ, ему не доставало прилежанія, усидчивости. Но первые его юношескіе опыты были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ. Лучшія его стихотворенія изъ этого времени проникнуты тихою, свѣтлою грустію, которая составляетъ отличительный характеръ его элегій. На публичномъ актѣ, Пушкинъ, въ присутствіи Державина, читалъ свое стихотвореніе «Воспоминаніе о Царскомъ Селѣ». Державинъ одобрилъ первый опытъ Пушкина и благословилъ его на будущую поэтическую дѣятельность, о чемъ Пушкинъ вспоминаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«И свѣтъ меня съ улыбкой встрѣтилъ,
Успѣхъ насъ первый окрылилъ,
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя, благословилъ».

Подъ конецъ своего пребыванія въ лицей, Пушкинъ вполне предавался поэзіи. Онъ часто задумывался, сочинялъ во время классовъ, прогулокъ и проч. Объ этомъ времени онъ говоритъ:

«Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при крикахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ».

По выходѣ изъ лицея, въ 1817 году, Пушкинъ съ жадностью бросился на всѣ удовольствія столичной жизни. Удалство, молодечество, бесполезная растрата времени и силъ на знакомства и похождения всякаго рода составляютъ главный характеръ жизни Пушкина въ это время. Въ послѣдствіи Пушкинъ вспоминаетъ съ горестію и сожалѣніемъ о своей бесполезно проведенной молодости. Такъ, въ одномъ стихотвореніи, «Воспоминаніе», онъ говоритъ:

«И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью, —
Но строкъ печальныхъ не смываю».

Другое стихотвореніе «Элегія» превосходно выражаетъ ту-же тоску души поэта, при воспоминаніи о бесполезно растроченномъ времени. Въ 1820 году Пушкинъ былъ назначенъ въ канцелярію генералъ-губернатора Новороссійскаго края. На дорогѣ къ мѣсту своего назначенія Пушкинъ опасно заболѣлъ. Это обстоятельство заставило его, для поправленія своего здоровья, отправиться на Кавказскія минеральныя воды. Кавказъ поразилъ Пушкина своею величавостію. Здѣсь въ первый разъ явилась у него мысль написать поэму: «Кавказскій пльвиникъ», въ которой онъ хотѣлъ изобразить Кавказскую природу, нравы, обычаи и домашнюю жизнь горцевъ. Отсюда моремъ Пушкинъ отправился въ Крымъ. Здѣсь онъ въ первый разъ увидѣлъ южное море и роскошные берега Крыма, о которыхъ онъ такъ часто и въ такихъ чудныхъ стихотвореніяхъ вспоминаетъ; стихотвореніе «Погасло дневное свѣтило», написанное въ то время, когда Пушкинъ подъѣзжалъ къ берегамъ Крыма, превосходно выражаетъ тогдашнее состояніе его души. Въ Крыму Пушкинъ въ первый разъ услышалъ преданіе о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Это преданіе рассказала ему одна дама, которая называла этотъ фонтанъ — фонтаномъ слезъ. Наконецъ Пушкинъ прибылъ въ Кишеневъ, къ мѣсту своей службы. Пестрота, шумъ, разнообразіе Кишневской жизни произвели сильное впечатлѣніе на поэта. Стихотворенія, написанныя въ это время, выражаютъ тревожное состояніе его души. Во время своихъ загородныхъ прогулокъ, Пушкинъ часто заходилъ къ кочующимъ цыганамъ и однажды нѣсколько дней прожилъ въ ихъ таборѣ. Въ это-же время написана была поэма «Цыганы». Въ 1824 году Пушкинъ простился съ южнымъ краемъ своимъ стихотвореніемъ «Къ морю». Въ непрерывныхъ трудахъ и занятіяхъ прожилъ онъ два года въ своемъ имѣніи, въ Псковской губерніи. Грусть, тоска, чувство одиночества выражаются въ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ это время. Длинные зимніе вечера онъ проводилъ въ бесѣдѣ съ своей няней:

«Но я плоды моихъ мечтаній»

И гармоническихъ затѣй

Читаю только старой нянь,

Подругъ юности моей».

Въ это время Пушкинъ продолжалъ романъ «Евгеній Онѣгинъ», написалъ драму «Борисъ Годуновъ», Русскія сказки и стихотвореніе «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». Въ послѣднемъ стихотвореніи и въ другихъ, какъ напримѣръ «Чернь», «Поэту» и «Поэтъ» онъ высказываетъ свое мнѣніе о назначеніи поэта въ обществѣ. Онъ говоритъ, что поэтъ стоитъ выше общества, что онъ не долженъ подчиняться его требованіямъ, что толпа, чернь, какъ онъ называетъ общество, не можетъ по достоинству оцѣнить его сочиненій:

«Не для житейскаго волненья,

Не для корысти, не для битвъ,—

Мы рождены для вдохновенья,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Причиной подобнаго убѣжденія было то, что самыя лучшія сочиненія Пушкина были встрѣчены непріязненно критикой. Сверхъ того, самый поэтический талантъ Пушкина былъ для него загадкою. Онъ сознавалъ, что ни обширное чтеніе, ни образованіе не могли породить его поэтической способности, что эта способность врожденная и дана ему вмѣстѣ съ жизнію. Онъ даже суевѣрно соединилъ участь своего таланта съ участью одного кольца, которое онъ постоянно носилъ при себѣ. Свое поэтическое вдохновенье онъ называлъ злымъ духомъ, демономъ, который постоянно его тревожилъ и не давалъ ему покоя.

«Какой-то демонъ обладалъ

Мои ми играя, досугомъ,

За мной повсюду онъ леталъ,

Мнѣ звуки дивныя шепталъ,

И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ

Была полна моя глава».

Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «Эхо», Пушкинъ сравниваетъ поэта съ эхомъ. Подобно тому, какъ эхо отличается на всякій звукъ, а само не слышитъ отвѣта, такъ точно и поэтъ сочувствуетъ всему благородному и прекрасному и себѣ не находитъ сочувствія въ обществѣ. Въ 1826 году Пушкинъ получилъ дозволеніе жить въ столицѣ. По

этому поводу онъ написалъ стихотвореніе «Стансы», въ которомъ обращается онъ къ Императору Николаю. Въ непрерывныхъ удовольствіяхъ прошла для Пушкина зима 1827 г. Съ наступленіемъ весны онъ снова отправился въ деревню. «Я бѣжалъ въ деревню» говоритъ онъ, почувъ рѣшмы, и вслѣдъ за тѣмъ написалъ стихотвореніе «Поэтъ». Живя въ деревнѣ, Пушкинъ писалъ повѣсти и романы. Мысль написать историческій романъ, въ которомъ отразились бы нравы и обычаи времени Петра Великаго, была любимую мечтою Пушкина. Такъ онъ самъ говоритъ:

«Романъ на старый ладъ

Займетъ веселый мой закатъ,

Не муки тайныя злодѣйства

Я грозно въ немъ изображу,

А просто вамъ перескажу

Преданья Русскаго семейства,

Любви плѣнительные сны,

Да нравы нашей старины».

Дѣйствительно, въ это время были написаны двѣ замѣчательныя повѣсти «Арабъ Петра Великаго» и «Дубровскийъ». Въ 1828 году Пушкинъ снова появляется въ Петербургъ. Въ это время имъ овладѣваетъ какая-то тревога и безпокойство. Онъ часто обращается къ самому себѣ съ грустью и упрекомъ. Стихотворенія, написанныя въ это время, выражаютъ безнадежное состояніе души поэта:

«Снова тучи надо мною

Собралися въ тишинѣ,

Рокъ завистливый бѣдою

Угрожаетъ снова мнѣ.

Даръ напрасный, даръ случайный,

Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Иль зачѣмъ судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?».

Утомленный однообразною столичною жизнію, Пушкинъ постоянно искалъ новыхъ впечатлѣній и томился жаждою дѣятельности. Наконецъ, въ мартѣ 1829 года онъ уѣзжаетъ на Кавказъ. Во время этого путешествія Пушкинъ писалъ свой дневникъ, который впоследствии былъ изданъ подъ заглавіемъ «Путешествія въ Арзерумъ». Свои путевыя впечатлѣнія Пушкинъ выразилъ въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: «Кавказъ», «Обвалъ» и «Дорожныя

жалобы». По возвращеніи изъ путешествія Пушкинъ принялся за сочиненіе своей новой поэмы «Голубь». Въ это-же время былъ оконченъ его знаменитый романъ «Евгеній Онѣгинъ», который былъ писанъ въ продолженіи семи лѣтъ. Но среди этихъ трудовъ, мысль о близкой смерти начала тревожить Пушкина. Эта мысль преслѣдовала его съ постоянной неотвязчивостью, о чемъ онъ говоритъ въ своемъ стихотвореніи: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ».

«Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю-ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Вездѣ близка, вездѣ со мной».

Весь 1831 годъ Пушкинъ прожилъ въ своей уединенной деревнѣ въ Нижегородской губерніи. Здѣсь, въ уединеніи, ничѣмъ неразвлекаемый постоянно, онъ написалъ много замѣчательныхъ сочиненій, какъ-то: драматическія сцены «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный гость», и «повѣсти Бѣлкина». Каждое замѣчательное событіе, каждый, по видимому, незначительный случай служили богатымъ матеріаломъ для сочиненій Пушкина: такъ, по поводу усмиренія Польскаго мятежа, въ 1831 году, были написаны два стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ занялся собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. Въ это-же время онъ задумалъ написать исторію Пугачевского бунта, и для того, чтобы собрать болѣе достовѣрныхъ извѣстій, онъ предпринялъ путешествіе въ тѣ мѣста, гдѣ происходило Пугачевское возстаніе. Тогда-же появилась повѣсть «Капитанская дочка», въ которой вѣрно изображены нравы и обычаи Русскаго общества временъ Екатерины II. Потомъ, одно въ-слѣдъ за другимъ появились слѣдующія замѣчательныя сочиненія: «Мѣдный всадникъ», «Египетскія ночи», «Пиковая дама», и др. Но среди этихъ постоянныхъ трудовъ внезапная смерть поразила Пушкина. Злорѣчивый говоръ молвы, городскія сплетни, которымъ повѣрилъ Пушкинъ, были причиною его насильственной смерти. Смертельно раненный на поединкѣ сыномъ Датскаго посла Дантесомъ, онъ умеръ 29 января 1837 года. Такая ранняя смерть поэта, который въ будущемъ обещалъ много, поразила всѣхъ

глубокою печалію. Лермонтовъ, до глубины души потрясенный этимъ роковымъ событіемъ, выразилъ свое грустное чувство въ стихотвореніи «На смерть Пушкина».

Сочиненія Пушкина относятся ко всѣмъ родамъ поэзій. Первые годы его поэтической дѣятельности ознаменованы множествомъ лирическихъ произведений; въ послѣднее же время онъ болѣе и болѣе склонялся къ роману и драмѣ. Лирическія стихотворенія, написанныя въ періодъ времени отъ 1814—1819 годовъ, называются лицейскими стихотвореніями. Самъ Пушкинъ называлъ ихъ «грѣхами отрочества», и они важны для насъ потому, что въ нихъ видна связь Пушкина съ предшествовавшими поэтами — Жуковскимъ и Батюшковымъ. Въ 1819 г. начинаютъ появляться самостоятельныя, собственно — Пушкинскія произведенія. Чувство, выраженное въ нихъ, всегда тихо и кротко, не смотря на глубину его, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда гуманно. Здѣсь поэтъ ничего не отрицаетъ, не проклинаетъ, но на все смотритъ съ любовью и благоговѣніемъ, самая грусть его всегда разрѣшается примиряющимъ и успокоительнымъ чувствомъ. Кроме того, это чувство — всегда прекрасное и изящное; въ немъ есть что-то благородное, кроткое, нѣжное. Доказательствомъ могутъ служить особенно слѣдующія стихотворенія: «Нѣтъ, нѣтъ не долженъ я, не смѣю, не могу», «Я васъ любилъ», «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ» и др. Въ стихотвореніяхъ «Чернь», «Поэту» и «Поэтъ» заключается исповѣдь поэта. Здѣсь онъ высказываетъ свой взглядъ на назначеніе поэта и опредѣляетъ его отношенія къ обществу. Онъ презираетъ толпу, чернь, и на приглашеніе ея, чтобы онъ, какъ поэтъ, исправлялъ ея пороки звуками своей лиры, отвѣчаетъ съ гордостью и негодованіемъ.

«Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?»

Въ стихотвореніи «Поэту» Пушкинъ говоритъ: «Поэтъ, не дорожи любовію народной! Восторженныхъ похвалъ пройдетъ мишурный шумъ; Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной, Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ, Ты царь, живи одинъ».

Стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго, особенно отличаются глубиной мысли и національнымъ чувствомъ. Таковы: «Стансы», «Пиръ Петра Великаго», «Мѣдный всадникъ», баллады — «Женихъ», «Утопленникъ», «Бѣсы», также и народныя сказки Пушкина представляютъ превосходные образцы Русской народной поэзіи въ художественной формѣ. Всѣ лирическія стихотворенія Пушкина отличаются художественною добросовѣстностью чувства. Онъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, никогда ни возводитъ на себя такихъ чувствъ, которыхъ самъ не испыталъ; но вездѣ является такимъ, какимъ былъ дѣйствительно. Такою добросовѣстностію особенно отличаются стихотворенія: «Разлука», «Воспоминаніе», «Элегія» «подъ небомъ голубымъ».

Первымъ юношескимъ опытомъ Пушкина въ эпическомъ родѣ была поэма «Русланъ и Людмила». Эту поэму можно скорѣе назвать пародіей на «Неистоваго Орланда» — Аріоста, чѣмъ самостоятельнымъ произведеніемъ. Она отличается сказочнымъ и шуточнымъ характеромъ; національнаго Русскаго въ ней очень мало. «Кавказскій пѣвникъ» былъ принятъ публикою съ большимъ восторгомъ. Цѣль этой поэмы, по собственному признанію Пушкина, «изобразить въ лицѣ пѣвника это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительною чертою молодежи XIX столѣтія». Эта тоска юноши по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не предшествовали никакія очарованія, всѣ эти отличительныя особенности молодого поколѣнія 20 гг. выражены довольно вѣрно въ лицѣ «Кавказскаго пѣвника». Въ этой poemѣ величественный образъ Кавказа былъ воспроизведенъ съ поэтическою прелестью. Съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался для Русскихъ заветною страной смѣлыхъ мечтаній, поэтическихъ подвиговъ и кипучей дѣятельности. — Сюжетъ поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкинъ заимствовалъ изъ рассказовъ одной дамы, которая называла его фонтаномъ слезъ (*la fontaine des larmes*). Главная мысль этой поэмы — перерожденіе дикой души Татарина черезъ высокое чувство любви. Султанъ Гирей, пресыщенный гаремною любовью, испытываетъ болѣе человѣческое и

высокое чувство къ женщинѣ кроткой, скромной и дѣтски благочестивой. Эта романтическая, рыцарская любовь сдѣлала страшный переворотъ въ татарской натурѣ Гирея. Восточный деспотъ и варваръ ведетъ себя въ отношеніи къ своей возлюбленной, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ. — «Полтава», историческая поэма въ 3-хъ частяхъ, воспроизводитъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ нашего отечества. Недостатокъ этой поэмы заключается въ томъ, что она не представляетъ собою цѣлаго, а заключается въ себя какъ-бы двѣ поэмы: первая изображаетъ судьбу Мазепы и Маріи, вторая — Полтавскую битву. Но поэма эта, лишенная единства, есть превосходное произведеніе по частямъ. Почти каждое мѣсто, наудачу взятое изъ поэмы, представляетъ образецъ художественнаго творчества. — Романъ «Евгеній Онѣгинъ» есть поэтическая картина Русскаго общества въ извѣстную эпоху. Онѣгинъ и Татьяна — суть представители обоихъ половъ этого общества. Онѣгинъ — человекъ разочарованный, пресыщенный всѣми свѣтскими удовольствіями, тоскуетъ и страдаетъ отъ бездѣятельности и пустоты своего существованія. Ленскій, напротивъ, имѣетъ душу чистую и благородную, сочувствуетъ всему прекрасному и высокому въ жизни. Но въ то-же время онъ «сердцемъ малый былъ невѣжда», постоянно толковалъ о жизни, но никогда не зналъ ее. Татьяна принадлежитъ къ числу идеальныхъ дѣвъ; но, съ другой стороны, это — дѣвушка глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея была или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, потому она сильно возбуждаетъ наше сочувствіе. — Драма «Борисъ Годуновъ» была написана подъ сильнымъ вліяніемъ исторіи Карамзина и считалась любимымъ произведеніемъ самого автора. Главная мысль драмы заключается въ томъ, что Борисъ, какъ убійца царевича Дмитрія, долженъ былъ искупить свое преступленіе разными семейными и государственными несчастіями. Поэтому всѣ лица, всѣ сцены трагедіи направлены для выраженія этой основной идеи. Бориса постоянно преслѣдуютъ мученія нечистой совѣсти; поэтому никакое предпріятіе ему не удастся. Наконецъ, трагическая смерть всего семейства Годунова, какъ необходимая очистительная жертва за

совершенное преступленіе, заканчиваетъ трагедію.

Заслуга Пушкина въ Русской литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый ввелъ къ намъ поэзію, какъ искусство. У него нѣтъ служенія другимъ цѣлямъ, выходящимъ изъ области поэзіи. Единственная цѣль его есть поэзія, какъ художество. Онъ не держался никакого образа мыслей исключительно, не увлекался никакимъ чувствомъ особенно: всѣ мысли и чувства, иногда даже противоположныя, стали матеріаломъ его произведеній. Онъ не любилъ даже останавливаться на одномъ и томъ-же чувствѣ, повторять одну и ту-же мысль въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, но свободно переносился отъ одного чувства къ другому, отъ однихъ мыслей къ другимъ. Также разнообразны предметы природы и человеческой жизни, послужившіе содержаніемъ для эпическихъ сочиненій Пушкина. Онъ свободно переносится во всѣ области человеческой жизни, во всѣ вѣка и народы, и воспроизводитъ ихъ съ поразительною вѣрностью. Его «Русалка», «Женихъ», «Утопленникъ», «Бѣсы» изображаютъ Русскую народность; «Каменный гость» — Испанію, «Подражаніе восточнымъ стихотворцамъ» — Востокъ; «Египетскія ночи» — древній міръ. Какъ поэтъ-художникъ Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи. Пушкинъ удивительно вѣрно изображаетъ Русскую природу и Русскіе характеры, и поэтому общій голосъ называлъ его національнымъ поэтомъ. Но эта національность заключается не только въ выборѣ предметовъ для своихъ произведеній изъ родной жизни, но и въ смотрѣніи на чужую жизнь глазами своей націи. Стихъ Пушкина составляетъ эпоху въ исторіи стихотворнаго искусства. Онъ по преимуществу — поэтический, художественный. Къ этому стиху можно отнести тотъ самый отзывъ, который высказалъ Пушкинъ о стихѣ Баратынскаго:

«Стихъ каждой повѣсти твоей

Звенить и блещетъ какъ червонецъ».

Алексій Васильевичъ Кольцовъ.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 году. Отецъ его былъ Воронеж-

скій небогатый мѣщанинъ, торговавшій стадами барановъ. Въ дѣтствѣ Кольцовъ не получилъ никакого образованія. На десятомъ году его отдали въ Воронежское уѣздное училище, въ которомъ онъ пробылъ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Не много знаній вынесъ Кольцовъ изъ этой школы; это видно изъ того, что онъ не имѣлъ никакого понятія о грамматикѣ и писалъ съ ошибками. Отецъ поэта часто бралъ молодаго Кольцова въ степи, и онъ полюбилъ степную природу. Свою любовь къ степямъ Кольцовъ выразилъ во многихъ стихотвореніяхъ. Такъ, въ одномъ стихотвореніи, «Косарь», онъ говоритъ:

«Степь раздольная,

Далеко вокругъ,

Широко лежитъ,

Ковылемъ травой

Растиается.

Ахъ, ты, степь моя,

Степь привольная!

Широко ты, степь,

Пораскинулась,

Къ морю Черному

Понадвинулась».

Такимъ образомъ, въ степи, съ пріятелями за чтеніемъ сказокъ, Кольцовъ провелъ около пяти лѣтъ. До сихъ поръ онъ не читалъ никакихъ стиховъ, но въ это время ему случайно попалась книжка стихотвореній Дмитріева, и онъ съ жадностью принялся читать ихъ на распѣвъ. Стихи сильно понравились Кольцову, и онъ задумалъ самъ сочинить что-нибудь подобное, но первые его опыты были неудачны. Въ этихъ-то безполезныхъ попыткахъ прошло еще около трехъ лѣтъ. Кольцовъ достигнулъ 17-лѣтняго возраста и въ это время одно важное обстоятельство имѣло сильное вліяніе на развитіе его таланта и на всю послѣдующую жизнь. Несчастная любовь къ одной дѣвушкѣ послужила богатымъ источникомъ для многихъ лучшихъ его стихотвореній. Свои горестныя чувства Кольцовъ выразилъ въ стихотвореніяхъ: «Ты не пой, соловей», «Не шуми ты, рожь». Съ этого времени Кольцовъ созналъ свое поэтическое призваніе. Посреди грозной дѣйствительности, куда поставила его судьба, не погибъ талантъ нашего

поэта; напротивъ, высказался еще съ большею силою и энергіею. Прасоль, по ремеслу, мелкій торгашъ, бывшійся изъ послѣдней копѣйки, скитаясь съ своими стадами по степямъ, Кольцовъ въ то-же время мечталъ о любви, о дружбѣ, о возвышенныхъ чувствахъ, однимъ словомъ, какъ онъ самъ говоритъ: «У него много думъ въ головѣ, много въ сердцѣ огня». Въ 1836 году, по торговымъ дѣламъ своего отца, Кольцовъ долженъ былъ отправиться въ Москву и въ Петербургъ. Онъ долго прожилъ въ Москвѣ и здѣсь познакомился съ извѣстнѣйшими тогда писателями—Пушкинымъ и Жуковскимъ. Эта жизнь въ кругу людей образованныхъ сильно полюбила Кольцова. Скучно, бездомно показалось Кольцову по возвращеніи въ Воронежъ, даже самая степь не привлекала его болѣе; имъ овладѣло уныніе и грусть. Всѣ мысли и желанія его стремились къ тому, чтобы оставить грязную жизнь мелкаго торговца и переехать на жительство въ Москву. Такъ онъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи:

«Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой,
Хочетъ воли она,
Просить жизни другой».

Другое стихотвореніе «Дума сокола» еще лучше даетъ намъ понятіе о состояніи души поэта. Но желаніе Кольцова не исполнилось. Разстроеныя торговля дѣла и недостатокъ въ денежныхъ средствахъ помѣшали ему осуществить любимую мечту, которую онъ не оставлялъ до самой своей смерти. Въ 1840 году Кольцову снова представился случай побывать въ Москвѣ и Петербургѣ. Съ грустью и тяжелымъ предчувствіемъ возвратился онъ въ Воронежъ, куда призывали его торговля дѣла. Съ этого времени Кольцовъ почувствовалъ первыя припадки болѣзни, которая не оставила его до самой смерти. Разныя семейныя непріятности еще болѣе увеличивали страданія Кольцова. Свои грустные чувства и бѣдственное свое положеніе Кольцовъ выразилъ въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ: «Гдѣ вы, дни мои» и «Горькая доля». Наконецъ, послѣ долгихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, Кольцовъ скончался въ 1842 году, на 34 году отъ рожденія. Талантъ Кольцова выразился преимуще-

ственно въ его пѣсняхъ. До него многіе Русскіе поэты пробовали свои силы въ этомъ родѣ, но пѣсни ихъ были просто поддѣлки или копировки нашихъ народныхъ пѣсенъ и, по формѣ своей, болѣе похожи на романсы, чѣмъ на истинно народные пѣсни. Кольцовъ, какъ извѣстно, родился и выросъ среди степей и мужиковъ, а потому онъ по опыту зналъ простой крестьянскій бытъ, и не на словахъ только, а на дѣлѣ любилъ Русскую природу, сочувствовалъ горестямъ и радостямъ нашего простолюдина. Содержаніе большей части его пѣсенъ составляютъ то нужда и бѣдность крестьянина, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу. Любовь въ пѣсняхъ Кольцова также играетъ важную роль, и тѣ пѣсни, въ которыхъ выражаются отчаяніе и печаль о погибшей любви, проникнуты сильнымъ и глубокимъ чувствомъ. Въ этихъ пѣсняхъ есть то, что, по выраженію Гоголя, «зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце». Кольцовъ нисколько не идеализировалъ, не украшалъ крестьянскій бытъ, а изображалъ его довольно вѣрно, какъ онъ есть въ дѣйствительности, и потому въ его пѣсняхъ вся та грязь и пошлость прозаической жизни, на которую прежніе наши поэты смотрѣли съ презрѣніемъ, является въ очаровательномъ поэтическомъ свѣтѣ. Пѣсни Кольцова вполне проникнуты Русскимъ духомъ. Крѣпкая сила въ страданіяхъ и наслажденіяхъ, способность бышено предаваться и печали и веселью и въ самомъ отчаяніи находить какое-то буйное упоеніе или саркастически пошутиться надъ собственнымъ несчастіемъ—все это, какъ отличительная черта Русскаго народнаго характера, отразилось и въ поэзіи Кольцова. Такими мотивами проникнуты его пѣсни: «Изъгна суженой», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Въ непогоду вѣтеръ», «Двѣ пѣсни Лихача Кудрявича», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко» и т. п. Особенный оригинальный родъ стихотвореній Кольцова составляютъ его думы, которыя, по своему достоинству, стоятъ гораздо ниже его пѣсенъ. Въ нихъ Кольцовъ сплился разрешить нѣкоторые вопросы, возникшіе въ его умѣ. Глубокій, но неразвитый ученіемъ умъ Кольцова сильно былъ заинтересованъ великими вопросами о природѣ и человѣкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по недостатку научнаго образованія, онъ чувствовалъ себя

не въ силахъ разрѣшить ихъ, и потому въ нѣкоторыхъ его думахъ видна какая-то туманность и неопредѣленность мысли. Лучшія его думы: «Великая тайна», «Молитва», «Неразгаданная истина» и др.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ 1814 году. Двухъ лѣтъ онъ лишился своей матери и былъ взятъ на воспитаніе своей бабушкой Арсеньевой, которая любила внука и не щадила средствъ для его воспитанія. Его учили новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ, даже Греческому. Окруженный иностранными наставниками, онъ, какъ съ сожалѣніемъ сознавался послѣ, не слышалъ нашихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, которыя могли бы служить богатымъ матеріаломъ для его поэзіи. Когда Лермонтову было около десяти лѣтъ, бабушка его, отправляясь на Кавказскія минеральныя воды, взяла съ собою внука. Здѣсь онъ успѣлъ влюбиться не на-шутку въ одну девятилѣтнюю дѣвочку, и спустя нѣсколько лѣтъ, онъ часто вспоминалъ о своей ранней любви съ особеннымъ чувствомъ и грустью. «Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, я еще никогда не любилъ такъ сильно. Эта любовь, этотъ потерянный рай будутъ до могилы терзать мою душу». Съ той поры Кавказскія горы сдѣлались для него священными. Дѣйствительно, можетъ быть, это раннее чувство было причиною, что Лермонтовъ въ своихъ стихотвореніяхъ обращался къ Кавказу съ особенною любовью и симпатіею. Такъ, въ посвященіи къ своей поэмѣ «Демонъ», онъ обращается къ Кавказу съ слѣдующими словами:

«Къ тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои!
На свѣрѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой».

Въ 1827 году Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетъ. Но скоро принужденъ былъ оставить его и опредѣлиться въ конекскую школу въ Петербургъ. Между своими товарищами въ школѣ, Лермонтовъ отличался добродушнымъ характеромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпощадно преслѣдовалъ ихъ злыми насмѣшками за все ложное, натянутое, не естественное. Въ школѣ Лермонтовъ писалъ

много стихотвореній, но только небольшое изъ написаннаго показывалъ нѣкоторымъ своимъ товарищамъ. Въ это время, т. е. когда поэту было около 17 лѣтъ, написана была его первая поэма «Демонъ», а потомъ «Хаджи Абрекъ», которая тайкомъ отъ автора была напечатана въ одномъ изъ періодическихъ журналовъ. Любимымъ чтеніемъ Лермонтова въ это время были сочиненія Англійскаго поэта Байрона. Это чтеніе и характеръ самаго поэта, который отчасти былъ сходенъ съ Байроновымъ, были причиною, что Лермонтовъ невольно иногда подражалъ Англіискому поэту. По выходѣ изъ школы, Лермонтовъ началъ вести веселую, разсыпанную жизнь, проводя время зимою въ высшемъ кругу Петербургскаго общества, а лѣтомъ на ученіяхъ и въ лагеряхъ. Лермонтовъ былъ довольно некрасивъ собою и даже неуклюжъ. При его чрезмѣрномъ самолюбіи и при желаніи вездѣ и во всемъ первенствовать, онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на этотъ наружный свой недостатокъ. Въ обществѣ онъ казался разочарованнымъ, злымъ, но въ дѣйствительности имѣлъ душу добрую. Въ разговорѣ онъ былъ находчивъ, остеръ и отличался особенно рѣзкими и колкими насмѣшками, за что прозвали его безпокойнымъ человѣкомъ. Такъ, въ одномъ своемъ стихотвореніи «1 января», описывая одинъ маскарадъ и нападая на пошлость и пустоту свѣтской жизни, въ заключеніе онъ говоритъ:

«Когда же шумъ толпы спугнетъ мечту мою,
На праздникъ незваную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злобью».

Въ 1837 году было написано Лермонтовымъ извѣстное стихотвореніе на смерть Пушкина, убитаго тогда на дуэли. Это стихотвореніе вызвало осужденія со стороны враговъ поэта, и Лермонтовъ посланъ былъ на Кавказъ. Черезъ годъ ему позволено возвратиться въ Петербургъ, но въ началѣ 1841 года онъ снова былъ отправленъ на Кавказъ за дуэль съ Барантомъ, сыномъ Французскаго посланника. Тогда-то, на дорогѣ, поэтъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе «Тучи», гдѣ подъ тучами изобразилъ свою безпріютную скитальческую жизнь.

«Тучки небесныя, вѣчные странники,
Степью лазурною, цѣпью жемчужною,
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную».

Прибывъ въ сторону южную, какъ говоритъ самъ Лермонтовъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ горцевъ, и одно изъ сраженій съ ними описалъ въ своемъ стихотвореніи «Валерикъ». Въ этомъ-же году оконченъ былъ его извѣстный романъ «Герой нашего времени». 1841-й годъ былъ годомъ смерти нашего поэта. Проживая въ Пятигорскѣ на минеральныхъ водахъ, Лермонтовъ постоянно находился въ какомъ-то ревожкомъ состояніи духа. Онъ то грустилъ, то вдругъ становился желчнымъ и раздражительнымъ и со злобою отзывался о жизни и о всемъ его окружающемъ. Часто повторялъ слова: «чувствую, мнѣ осталось очень мало жить». Спустя нѣсколько дней, онъ былъ убитъ на дуэли. Стихотворенія: «Гляжу на будущность съ боязнью» и «Выхожу одинъ я на дорогу», написанныя въ это время, даютъ намъ вѣрное понятіе о томительномъ и безотрадномъ состояніи души поэта.

«Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ишу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть»....

Лермонтовъ считается преемникомъ Пушкина въ Русской литературѣ; но направленіе его поэзіи резко отличается отъ поэзіи Пушкина. Въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкинъ высказываетъ свѣтлыя надежды на будущее, предчувствіе торжества, силу и энергію духа. Въ лирическихъ же стихотвореніяхъ Лермонтова, хотя также виденъ избытокъ несокрушимыхъ душевныхъ силъ; но въ нихъ нѣтъ надежды, они поражаютъ своею безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства человѣческія; вездѣ у него вопросы, «которые мрачатъ душу и леденятъ сердце». Такое направленіе поэзіи Лермонтова вѣрно выражаетъ тогдашнее состояніе Русскаго общества. Еще со времени Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь и вошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе»; поэты начали воспѣвать —

«Поблѣдный жизни цвѣтъ —

Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ».

Отличительные признаки этого разочарованія — апатическое охлажденіе къ жизни, томительная бездѣятельность, при избыткѣ внутреннихъ силъ, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска. Подобное состояніе души превосходно выражено въ стихотвореніи «Дума».

«И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови».

Въ этомъ стихотвореніи выражается благородное негодованіе и глубокая грусть поэта, при взглядѣ на современное общество, которое безъ шума и слѣда влечетъ свою однообразную жизнь. Стихотвореніе: «И скучно и грустно» можно назвать похоронною пѣсней всякой жизни; здѣсь поэтъ прощается со всѣми надеждами, со всѣми чувствами человѣческими. Такое-же грустное и болѣзненное чувство поэта высказывается въ стихотвореніяхъ: «1 января», «Благодарность», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Гляжу на будущность съ боязнью». Направленіе поэзіи Лермонтова выразилось также въ характерѣ созданныхъ имъ лицъ, которыя выведены въ его поэмахъ: «Измаиль-Бей», «Хаджи Абрекъ», «Демонъ», «Бояринъ Орша», «Мцыри». На всѣхъ этихъ мрачныхъ лицахъ лежитъ печать фатализма и какой-то демонской силы. Такъ «Демонъ» съ эпитетомъ печальный, наскучилъ зломъ и потому страдаетъ отъ тоски и сомнѣнія. Ему хочется «забыть незабвенное», и онъ говоритъ:

«Какое гордое томленье
Жить для себя, скучать собой
И этой долгою борьбой,
Безъ торжества, безъ примиренья,
Всегда желать и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть
И все на свѣтъ презирать».

Въ характерѣ «Печорина», героя нашего времени, ярко отразились всѣ родовые признаки Лермонтовскихъ героевъ. «Герой нашего времени» — это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

«Въ которомъ отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безразличной душой,
Себялюбивой и сухой,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Онѣгинъ и Печоринъ во многомъ сходны между собою, но послѣдній уже является съ рѣзкими, отличительными особенностями. Воспитаніе и свѣтская жизнь убили въ Онѣгинѣ всякое благородное чувство, всю силу и энергію души; ему все приглядѣлось, все наскучало; вся жизнь его состояла въ томъ, что онъ равно звалъ

«Средь модныхъ и старинныхъ залъ».

Печоринъ же бышенно гонимъ за жизнь, и нища ее повсюду. Онъ наслаждался когда-то удовольствіями, но они ему скоро наскучили; кружился въ большомъ свѣтѣ, но и общество ему надоело; влюбился и былъ любимъ, но любовь не наполнила его сердца. Ему стало скучно. Очевидно, что Печоринъ вполне пережилъ юношескій романтический періодъ своей жизни; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную и самыя возвышенныя чувства не признаетъ за дѣйствительное состояніе души. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; отсюда — это безвѣріе въ чувства человеческія, это преждевременное охлажденіе къ жизни. Въ это время является въ человекѣ такъ называемая хандра, мнительность, сомнѣніе. Главная причина скуки Печорина — безсмысленная, неотвязчивая мысль, которая постоянно мучитъ и преслѣдуетъ его; онъ самъ говоритъ, что «во мнѣ два человека»: «одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой же мыслитъ и судитъ его». Печоринъ живетъ не сердцемъ, а головой, онъ подсматриваетъ каждое свое чувство и разбираетъ его. Изъ самого себя онъ сдѣлалъ любопытный предметъ своихъ наблюдений; онъ откровенно признается въ своихъ недостаткахъ, выдумываетъ небывалое и можно истолковываетъ самыя естественныя свои чувства. Печоринъ весь отразился въ слѣдующихъ словахъ Лермонтова:

«И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно
Ничѣмъ ни жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови».

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій.

«Горькимъ мовимъ словомъ посмѣюся».

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій родился, въ 1808 г., въ Полтавской губерніи. Отецъ его былъ человекъ замѣчательный; онъ много зналъ, видѣлъ и обладалъ даромъ рассказывать о чемъ-бы ему ни вздумалось, приправляя свои рассказы Малороссійскимъ комизмомъ. Въ его домѣ собирались настоящіе вечера на хуторѣ, которые Гоголь помѣстилъ возлѣ Диканьки. Общій тонъ этихъ вечеровъ въ высочайшей степени воспроизводитъ жизнь Малороссійскихъ захолаустій, лѣтъ 40 назадъ. Вообще, въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что окружало его въ дѣтствѣ, и почти въ такомъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Отъ своего дѣда, бывшаго когда-то полковымъ писаремъ, Гоголь могъ слышать еще свѣжіе, полные живаго интереса, рассказы о временахъ казачества. Такимъ образомъ, обстоятельства дѣтства и первыя впечатлѣнія Гоголя благоприятствовали будущему развитію его таланта, и все это онъ изобразилъ въ картинахъ изъ жизни Малороссійскихъ помѣщиковъ. Первоначальное воспитаніе Гоголь получилъ въ Полтавской гимназіи, а потомъ поступилъ въ Нѣжинскій лицей. Мало познаній вынесъ Гоголь изъ этого лицея, но за то въ Русской словесности онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. По окончаніи курса въ лицѣ, Гоголь переехалъ въ Петербургъ, куда привлекали его служба, театръ и поѣздка за границу. По ходатайству друзей, онъ былъ опредѣленъ учителемъ исторіи въ Патріотическій институтъ, но въ это-же время не оставлялъ заниматься литературою. Въ 1831 г. вышелъ 1-й томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», изданный пасторомъ Рудымъ Панькомъ. Книга эта была принята съ большимъ восторгомъ; менѣе чѣмъ черезъ годъ появилась 2 ч. «Вечеровъ». Литературные успѣхи Гоголя во многомъ зависѣли отъ сближенія его съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Говорятъ,

что Пушкинъ проводилъ цѣлыя ночи въ Литературныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ. Подкрѣпленный его совѣтами Гоголь быстро выпускаетъ въ свѣтъ одно за другимъ свои произведенія: «Тараса Бульбу», «Ревизора». Но какъ-скоро не стало вѣрнаго судьи и друга, ободряющаго авторитета. Гоголь пишетъ и сожигаетъ свои сочиненія. Въ 1835 году Гоголь почувствовалъ сильное расстройство здоровья, что заставило его подумать о потѣдѣ за границу; но къ этому побуждало его и другое обстоятельство. После «Ревизора», Гоголь задумалъ новое произведение; чтобы выносить въ душѣ идею задуманнаго созданія, ему необходимо было удалиться въ такое мѣсто, «куда бы не доходили до него волненія откуда бы онъ могъ обнять свое отечество духовнымъ взоромъ». Въ 1837 г. Гоголь на-долго поселился въ Римѣ и съ этого времени сильно измѣнился его характеръ. Его христіанство становилось все чище и выше, высокое значеніе цѣли писателя явственнѣе судъ надъ собою суровѣе. Наконецъ, после упорнаго пятилѣтняго труда, появилась 1-я часть «Мертвыхъ душъ», которая была началомъ великаго созданія, или, по словамъ самаго автора, «строго законченное дѣломъ, предвѣстіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести читателя». Въ 1845 г. Гоголь опасно заболѣлъ; онъ уже былъ близокъ къ смерти но въ это время все, что написалъ онъ, естественно представилось ему слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ полна была его душа, прорвавшаяся предчувствіемъ иной жизни. Не теряя времени, онъ собралъ у друзей свои письма и выбралъ изъ нихъ то, что, по его мнѣнію, должно было «искупить бесполезность всего дотоле имъ написаннаго». Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно, что произошла перемѣна въ душѣ Гоголя; всѣ считали его прежнимъ Гоголемъ; всѣ ожидали отъ него второй части Мертвыхъ душъ, и не многіе только понимали его намекъ, на «незримая, невѣдомыя міру слезы». Въ это время является книга, исполненная странныхъ признаній, воплей души, проповѣдей, обличенныхъ всею грозой краснорѣчія, указующаго прямо на болящія раны сердца, полу-дозрѣлыхъ убѣжденій и горькаго сарказма.

Въ предисловіи къ «перепискѣ съ друзьями», упоминается о приготовленіяхъ Гоголя къ путешествію во святые мѣста, которое, по его словамъ, «было необходимо душѣ его». Но къ этому священному подвигу Гоголя побуждала и другая причина. Выставленные имъ явленія и характеры въ 1-й части Мертвыхъ душъ внушили «сильное отвращеніе отъ ничтожества и разнесли по Россіи тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя». Теперь Гоголю предстоялъ важнѣйшій трудъ; ему нужно было представить такіа явленія Русской жизни, которыя бы подвинули впередъ читателя не отвращеніемъ, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному; но, какъ онъ самъ говоритъ, «добродѣтельныхъ людей не выдумаешь въ головѣ, и пока не станешь самъ хоть сколько-нибудь нашихъ похожимъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое!». После долгихъ размышленій наконецъ Гоголь убѣдился, что «истинному только христіанину отверзаются всѣ таинства души человеческой». После этого Гоголь сдѣлался очень строгимъ судьей своихъ произведеній. Онъ написалъ уже 2 ч. Мертвыхъ душъ, но, повинувшись своему непреклонному суду, сжегъ ее вмѣстѣ съ другими своими произведеніями. Такъ совершилось душевное пересозданіе Гоголя, и вотъ онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться божественному Учителю, испросить у него новыхъ силъ на дѣло, къ которому готовился всю свою жизнь. Съ 1851 года Гоголь поселился въ Москвѣ, и вновь принялся за сочиненіе 2-й части Мертвыхъ душъ. Но въ это время смерть одного изъ его друзей произвела на него сильное впечатлѣніе. На него напалъ «страхъ смерти». Эти душевныя потрясенія произвели разслабленіе въ его организмъ; онъ слегъ въ постель, и въ это время не переставалъ молиться и готовиться къ смерти. Подъ вліяніемъ мрачныхъ чувствъ, явившихся въ его душѣ при видѣ наступающей смерти, Гоголь призналъ себя недостойнымъ проповѣдникомъ истины, которую онъ хотѣлъ выразить своими твореніями и поэтому онъ усомнился, чтобы его сочиненія могли устремить общество къ прекрасному и опредѣлить сжечь ихъ. Совершивши это, онъ впалъ въ мрач-

ное уныніе и около двухъ недѣль провелъ въ постоянной молитвѣ и слезахъ. Наконецъ, послѣ долгихъ душевныхъ мученій, онъ скончался 21 февраля 1852 г. На надгробномъ его памятникѣ вырваны слѣдующія слова пророка Іереміи: «Горькимъ моимъ словомъ посѣлюся». Гоголь впервые выступилъ на литературное поприще, съ своими «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки». Это были еще юношескія, свѣжія впечатлѣнія поэта. Коренное свойство таланта Гоголя, комизмъ, — здѣсь еще выступаетъ наивно и добродушно, отъ того легко и свѣтло на душѣ читателя. Въ «Миргородѣ» — Гоголь уже отъ веселаго комизма переходитъ къ юмору. Юморомъ называется такое состояніе души, въ которомъ сливаются и веселость, возбуждаемая противорѣчіями жизни, и горькое сожалѣніе объ уклоненіи челоѣка отъ его высокаго назначенія. Въ такомъ сліяніи смѣха и слезъ заключается сущность юмора. Самъ Гоголь вѣрно выразилъ значеніе юмора, цѣль котораго «озарить жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы». Этотъ юморъ особенно пропикаетъ насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; окончивъ эту въ высшей степени комическую повѣсть, читатель отъ души скажетъ вмѣстѣ съ авторомъ: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Наконецъ, въ «Ревизорѣ» одинъ уже смѣхъ выступаетъ честнымъ и карающимъ лицомъ; этотъ смѣхъ, по выраженію самого Гоголя, достоинъ стать наряду съ высокими лирическими движеніями души — этотъ смѣхъ, «безъ котораго презрѣнное и ничтожное жизни, мимо котораго мы равнодушно проходимъ каждый день, не возросло бы передъ нами въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ и мы не воскликнули бы содрогаясь: «неужели есть такіе люди?». Значеніе Гоголя въ Русской литературѣ вѣрно опредѣлилъ Пушкинъ, по собственному признанію Гоголя: «Свойство мое выставить пошлость пошлаго челоѣка», говоритъ Гоголь, «выступило съ большою силою въ Мертвыхъ душахъ. Герой мой (Чичиковъ) вовсе не злодѣй; придай я къ нему одну добрую черту и читатель помирился бы съ нимъ. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей.

Испугало ихъ то, что одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже отмахнуть бѣдному читателю, что до прочтенія всей книги, кажется, какъ будто бы выщелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ». — И такъ, помористическое изображеніе пошлости жизни составляетъ отличительный характеръ произведеній Гоголя. Онъ первый, по его словамъ, дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную тѣну мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубинную повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая дорога.

Мнѣніе профессора Харьковскаго университета Н. Лавровскаго, представленное въ попечительскій совѣтъ, о двухъ запискахъ старшаго учителя Новочеркаской гимназіи, г. Савельева: «о преподаваніи Русской словесности въ гимназіи» и «опытъ преподаванія новаго періода исторіи Русской литературы», — слѣдующаго содержанія:

«Невозможно не согласиться съ изложенными въ запискѣ г. Савельева убѣдительными доказательствами вреда, происходящаго отъ неопредѣлительности содержанія Русской словесности въ гимназическомъ преподаваніи, отъ разнообразія записокъ, составляемыхъ самими учителями по этому предмету, по причинѣ рѣшительной неудовлетворительности относящихся сюда руководствъ, и отъ зависимости содержанія, характера и направленія записокъ, отъ личнаго взгляда и вкуса каждаго преподавателя. При совершенномъ отсутствіи согласія въ содержаніи курсовъ словесности, когда нельзя найти двухъ преподавателей, курсы которыхъ имѣли бы какое-либо сходство, при мѣтѣ записокъ съ перемѣною учителей, изъ которыхъ каждый почитаетъ долгомъ выдавать свои собственные записки, — трудно ожидать дѣйствительныхъ успѣховъ въ преподаваніи, не говоря уже о затрудненіяхъ при экзаменахъ — и для экзаменующихся и для экзаменаторовъ. Невозможно также не согласиться съ мнѣніемъ г. Савельева о необходимости гимназическихъ съѣздовъ для взаимнаго обмѣна, обсужденія и соглашенія педагогическихъ убѣжденій учителей, о необходи-

мости составленія определеннаго руководства, но только послѣ совокупнаго, обстоятельнаго и гласнаго обсужденія относящагося сюда учебнаго матеріала и взаимнаго соглашенія относительно выбора послѣдняго для руководства. Самый способъ составленія руководства въ запискѣ г. Савельева выраженъ такъ: «Советъ при г. попечителѣ Харьковскаго учебнаго округа можетъ принять на себя трудъ предложить всемъ преподавателямъ словесности въ округъ высылать ему болѣе обработанные отдѣлы своихъ записокъ, и потомъ изъ этихъ матеріаловъ сдѣлать сводъ, какъ проектъ учебника, по плану, одобренному членами попечительскаго совета. Этотъ проектъ учебника долженъ подвергнуться обсужденію опытныхъ педагоговъ и, съ замѣчаніями ихъ, окончательно разсматриваться въ попечительскомъ советѣ». Съ этимъ способомъ, по моему мнѣнію, нельзя вполне согласиться по слѣд. причинамъ: 1) Попечительскій советъ, состоя, кромѣ предсѣдателя, изъ профессоровъ — специалистовъ по наукамъ разныхъ факультетовъ, изъ директоровъ гимназій и инспектора училищъ, по самой разнородности своего состава, едва ли въ состояніи будетъ принять на себя трудъ составленія руководства, хотя-бы и въ формѣ сведенія къ единству истребованнаго отъ учителей гимназій учебнаго матеріала. Если-бы такой трудъ дѣйствительно возложенъ былъ на попечительскій советъ, то онъ естественно упалъ бы всею своею тяжестью на одного его члена — преподавателя Русской словесности въ университетѣ, а тогда составленіе руководства на основаніи готоваго матеріала поставлено было бы въ зависимость отъ взгляда и убѣжденій одного лица, чего, какъ видно, не имѣетъ въ виду г. Савельевъ. 2) При такомъ способѣ составленія, естественно во всѣхъ учебныхъ округахъ будутъ свои собственныя руководства, составленныя на основаніи различныхъ взглядовъ и убѣжденій, съ различнымъ объемомъ и содержаніемъ, что, конечно, нельзя назвать удобнымъ ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніяхъ. 3) Составленіе руководства нельзя почитать такимъ трудомъ, который бы только состоялъ въ сведеніи, при участіи нѣсколькихъ лицъ, слѣд. болѣе или

менѣе механическомъ, готоваго матеріала въ одно цѣлое. Въ основаніи руководства необходимо должно быть положено единство мысли, взгляда, направленія и характера, но такое единство, которое сложилось изъ разнообразія, послѣ общаго, гласнаго и компетентнаго суда.

Пользуясь случаемъ, мы позволимъ себѣ высказать слѣд. мнѣніе о способѣ составленія руководства по Русской словесности. Прежде всего, конечно, необходимо, чтобы содержаніе, объемъ, направленіе и характеръ руководства были подвергнуты общему и всестороннему печатному обсужденію. Но такъ-какъ, при безпристрастномъ соображеніи относящейся сюда современной учебной силы, трудно ожидать готовности и общаго живаго участія въ дѣлѣ безъ всякаго вызова и возбужденія, то дѣйствительно полезно было бы предложить преподавателямъ словесности высылать въ теченіе года къ определеннымъ срокамъ болѣе обработанные отдѣлы своихъ записокъ; при чемъ должно быть предоставлено достаточное время для ихъ составленія или окончательной обработки, потому что всякая поспѣшность въ настоящемъ случаѣ можетъ оказаться положительно вредною. Попечительскимъ советомъ могутъ быть приняты мѣры, чтобы записки доставлены были по всемъ отдѣламъ, составляющимъ науку Русской словесности. Весь, полученный такимъ образомъ, матеріалъ, послѣ его разбора и оцѣнки въ попечительскомъ советѣ, долженъ быть напечатанъ, вполне или въ извлеченіи. Обнародованныя во всѣхъ учебныхъ округахъ записки по всемъ отдѣламъ Русской словесности сами собою немедленно подвергнутся общему печатному обсужденію. Когда общее мнѣніе окончательно выскажется, полезно было бы составить особую коммисію или назначить съѣздъ въ вакаціонное время всѣхъ преподавателей Русской словесности въ университетахъ и по-крайней-мѣрѣ трехъ лучшихъ учителей гимназій того-же предмета изъ каждаго учебнаго округа, для окончательнаго соглашенія въ содержаніи, направленіи и характерѣ руководства, послѣ чего уже можетъ быть приступлено къ составленію окончательной редакціи руководства и напечатанію. Окончательная ре-

дація и напечатаніе руководства по его отдѣламъ послѣ точнаго и подробнаго соглашенія на сѣздѣ въ содержаніи и направленіи каждаго отдѣла, можетъ быть раздѣлено между преподавателями Русской словесности въ университетахъ, при пособіи участвовавшихъ на сѣздѣ учителей. На сѣздѣ можетъ быть опредѣленъ и общій срокъ для изданія всѣхъ отдѣловъ руководства. Полезно было бы также, по окончательномъ изготовленіи къ печати каждымъ преподавателемъ университета возложеннаго на него отдѣла руководства, обмѣняться списками для окончательнаго пересмотра. Можетъ быть, ошибочно или непрактично и мое мнѣніе, но вѣдь не ошибается только тотъ, кто молчитъ. *Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы вопросъ о составленіи руководства по Русской словесности безотлагательно подвергнутъ былъ общему обсужденію и рѣшенію.*

«Что же касается до изложеннаго въ запискѣ г. Савельева порядка преподаванія Русской словесности въ 5 и 6-мъ классахъ гимназій, какъ такихъ, въ которыхъ господствуетъ наибольшая неопредѣленность содержанія преподаванія, то, конечно, нельзя не согласиться съ справедливостью общаго, высказаннаго имъ, убѣжденія, *что нужно отъ фактовъ переходить къ теоріи, изъ примѣровъ извлекать правила*, а потому весьма справедливо его обращеніе къ фактамъ литературы, для вывода изъ нихъ ея теорій, а также введеніе сравнительнаго элемента. При правильности общаго приѣма и направленія преподаванія, недостатокъ послѣдняго въ которомъ откровенно сознается и самъ г. Савельевъ, состоитъ въ неопредѣлительности содержанія обученія, въ томъ, что онъ, уча *отыскиваетъ* содержаніе, экспериментировать, между тѣмъ какъ, очевидно, содержаніе должно быть готово, точно распределено и строго соображено съ общей цѣлью обученія. Не вдаваясь въ оцѣнку подробностей опыта преподаванія г. Савельева, потому что эти подробности могутъ видоизмѣняться безъ вреда сущности дѣла, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ порядкѣ преподаванія Русской словесности въ гимназіяхъ, въ какомъ онъ мнѣ представляется наиболѣе полезнымъ.

«По моему мнѣнію, для теорій прозы и поэзій должны быть отдѣлены два года, то есть 4-й и 5-й классы, и все изученіе теорій должно исходить изъ чтенія образцовъ по всѣмъ родамъ и видамъ прозы и поэзій. Все дѣло должно состоять въ выборѣ и такомъ распределеніи образцовъ для чтенія, чтобы необходимымъ слѣдствіемъ чтенія являлись сами собою сознанію учениковъ *опредѣленія*. Послѣднія ни въ какомъ случаѣ не должны являться готовыми, какъ правила, потому что они въ послѣдствіи будутъ оковами для мысли, затрудняя ея свободное движеніе. Рядомъ съ такимъ изученіемъ теорій долженъ идти тотъ курсъ Русскаго языка, который въ министерской программѣ названъ высшимъ курсомъ грамматики. Значеніе этого курса, говоря вообще, опредѣлено г. Савельевымъ вѣрно: *при пособіи историческаго* (объясненія историческаго развитія главнѣйшихъ явленій Русскаго языка) и *сравнительнаго* (сравненіе главнымъ образомъ съ церковно-славянскимъ, а также съ иностранными языками) *элементовъ, этотъ курсъ дѣйствительно имѣетъ назначеніемъ внести смыслъ въ первоначальное практическое усвоеніе языка*. Такое содержаніе преподаванія въ 4-мъ и 5-мъ классахъ гимназій не должно казаться обременительнымъ, если сообразить, что книга для чтенія, которая должна быть положена въ основаніе обученія Русскому языку въ низшихъ классахъ гимназій и необходимымъ результатомъ чтенія которой должна явиться грамматика, какъ результатъ чтенія образцовъ — теорія прозы и поэзій, что эта книга для чтенія уже дѣйствовала своимъ содержаніемъ на заготовленіе матеріала для послѣдующихъ теоретическихъ опредѣленій и на развитіе смысла о языкѣ. Послѣдніе же два года, по моему мнѣнію, должны быть опредѣлены для исторій литературы, чтеніе которой никакъ не можетъ быть ограничено однимъ годомъ, безъ явнаго вреда для основательнаго литературнаго образованія. Два года для исторій литературы тѣмъ болѣе необходимы, что значительную часть послѣдняго года неизбежно займетъ повтореніе курсовъ, относящихся къ предшествующимъ годамъ.

«Наконецъ, мнѣ остается высказать мнѣніе о запискахъ г. Савельева изъ новаго періода Русской

литературы. Самъ авторъ слѣд. образомъ выражаетъ ихъ недостатки: «я самъ сознаю, что въ моихъ запискахъ много неполнаго и не отдѣланнаго: такъ напр. у меня слишкомъ поверхностна характеристика писателей, потому что я не имѣлъ подъ руками нѣкоторыхъ, извѣстныхъ мнѣ только по названію, сочиненій. Кромѣ того, у меня вовсе не прослѣжена исторія слога и языка, потому что я не знаю ни одного сочиненія по исторіи Русскаго языка и стилистики; предполагаю, что можетъ еще встрѣтиться множество и другихъ промаховъ, которые отъ меня ускользаютъ». Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что записки г. Савельева представляютъ собою только рядъ отдѣльных литературныхъ очерковъ, между которыми мало внутренней связи, такъ что, читая ихъ, вовсе не замѣчаешь преемственности литературныхъ явленій, послѣдовательно совершеннаго развитія нашей литературы. Разсматриваемыя отдѣльно, эти характеристики не лишены живости, доказываютъ сочувствіе автора къ предмету, добросовѣстное усвоеніе находившагося подъ руками матеріала и умѣнье имъ пользоваться. Нельзя не пожать также объ отрывочности свѣдѣній о языкѣ, послѣдовательное развитіе котораго въ періодъ новой литературы смутно представляется въ сознаніи прочитавшаго записки. Въ этомъ, по моему мнѣнію, состоятъ общіе недостатки записокъ. Можно слѣдять и нѣкоторыя частныя указанія. Такъ, характеристика Тредьяковскаго не можетъ не показаться одностороннею, какъ умалчивающая о той сторонѣ его дѣятельности, которая имѣетъ важное значеніе въ теоріи словесности; г. Савельевъ распространяется только о сущинномъ въ Тредьяковскомъ, о его стихотворномъ глупословіи, которое во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого литературнаго значенія. Значеніе литературной и особенно поэтической дѣятельности Ломоносова также выражено не вполне опредѣлительно. Двойственность направленія поэтическихъ произведеній Державина едва-ли можетъ быть оправдана ближайшимъ разсмотрѣніемъ ихъ содержанія. Характеристика Фонъ-Визина, по моему мнѣнію, слабѣе другихъ: въ ней вовсе не указано на предшествовавшія литературныя явленія,

несомнѣнно дѣйствовавшія на развитіе таланта Фонъ-Визина; нельзя согласиться и съ тѣмъ, будто-бы въ произведеніяхъ Кантемира и Фонъ-Визина одно и то-же содержаніе. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что «до Карамзина у насъ нечего было читать по-Русски, потому что тогда все, написанное до него, было ужасно тяжело и торжественно, изображался какой-то героическій, несуществующій міръ, выводились на сцену неестественныя и небывалыя лица»; жаль также, что о литературномъ значеніи «исторіи государства Россійскаго» не упомянуто вовсе. Характеристика Жуковскаго относится собственно только къ его романтическому направленію въ тѣсномъ смыслѣ; не обращено вниманіе на начало и конецъ его литературной дѣятельности, отличающіеся особеннымъ характеромъ; о переводѣ *Одиссеи* не упомянуто вовсе. Періоды литературной дѣятельности Пушкина также не обозначены ясно, отъ чего можетъ быть сбивчивость въ пониманіи послѣдовательности его литературныхъ произведеній; объ отношеніяхъ его къ Байрону не упомянуто вовсе. Ограничиваясь приведенными указаніями, я въ заключеніе, долготѣ почитаю обратитъ особенное вниманіе попечительскаго совѣта на объ записки г. Савельева. Доказывая несомнѣнное усердіе и любовь къ дѣлу ихъ составителя, горячее желаніе совершенствоваться и содѣйствовать точному установленію учебнаго матеріала, страдавшаго до сихъ поръ наибольшею неопредѣлительностью сравнительно съ тѣмъ-же матеріаломъ по другимъ предметамъ, доказывая въ то-же время ясность взгляда, способность и умѣнье ориентироваться въ обширномъ матеріалѣ, — записки г. Савельева, представленные съ означенною въ нихъ цѣлью въ попечительскій совѣтъ, едва-ли не первое явленіе въ исторіи не одного Харьковскаго округа, явленіе, вызванное не внѣшними мѣрами и возбужденіями, а единственно свободнымъ сознаніемъ настоятельной потребности въ дружной, содружной работѣ надъ установленіемъ учебнаго матеріала по предмету Русской словесности, сознаніемъ необходимости устраненія личнаго вкуса и произвола, господствовавшихъ доселѣ въ обученіи этому предмету. Какъ такое явленіе, записки г. Савельева,

независимо отъ многихъ, заключающихся въ нихъ достоинствъ, по моему мнѣнію, могутъ быть съ пользою напечатаны въ «Циркуляръ». Если значительный объемъ опыта преподаванія новой Русской литературы представлялъ бы затрудненія

для напечатанія ихъ въ «Циркуляръ», то можно бы было пока ограничиться напечатаніемъ записки о преподаваніи въ гимназіяхъ Русской словесности вообще.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Начальство Харьковскаго учебнаго округа объявляетъ, что въ настоящее время въ здѣшнемъ округѣ состоятъ вакантными слѣдующія должности: почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ — въ Лебединѣ, Зміевѣ, Тиму, Путивлѣ, Старомъ-Осколѣ, Обояни, Корочѣ, Дмитровскѣ, Трубчевскѣ, Воронежѣ, Бобровѣ, Бирючѣ, Нижнедѣвицкѣ, Елатмѣ, Усманѣ, Лебедяни, Темниковѣ, Липецкѣ, Кирсановѣ,

Шатскѣ, Борисоглѣбскѣ; учителей уѣздныхъ училищъ: Русскаго языка — въ Купянскѣ; ариѳметики и геометріи — въ Кромахъ, Нижнедѣвицкѣ, Темниковѣ; исторіи и географіи — въ Валкахъ, Тиму, Старомъ-Осколѣ, Грайворонѣ, Льговѣ, Дмитріевѣ-на-Свпѣ, Обояни, Карачевѣ, Валуйкахъ, Трубчевскѣ, Елатмѣ, Новочеркасскѣ, Хоперскѣ; рисованія — въ Путивлѣ, Суджѣ.

Подлинный утвержденъ г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Фойгтомъ*.

Вѣрно: правитель канцеляріи *Рогожинъ*.

Напечатано по распоряженію г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

О РѢШЕНІИ

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.

Дѣлѣніе на бассейны: Хваловского бассейна.